„Пров 38"

Глубокоуважаемому
Александру Аполлоновичу
Мануилову
Отъ искренне признатель-
-ного автора
30, X, 1911 г.

Первые итоги «великой реформы».

I.

Основныя задачи правительственной аграрной программы.

Вторая «великая реформа»—«второе раскрѣпощеніе», по выраженію проф. Герье,—дѣйствуетъ пятый годъ. За это время она успѣла развернуться на столько широко, что громадное значеніе ея для экономической и политической жизни нашей страны стало для всѣхъ очевиднымъ. Конечно, строгая и точная оцѣнка ея результатовъ еще далеко впереди: но уже сейчасъ изъ тумана огульныхъ цифръ офиціальной статистики и безчисленныхъ противорѣчивыхъ мнѣній, слуховъ, отрывочныхъ фактовъ, приводимыхъ литературой разныхъ направленій, начинаютъ вырисовываться первые признаки, первыя вѣхи, которыми намѣчается путь, пролагаемый аграрной реформой въ экономической жизни народныхъ массъ, и по этимъ признакамъ можно, хотя бы приблизительно, установить, на сколько осуществляются въ дѣйствительности основныя цѣли правительства, съ небывалой энергіей творящаго свою «революцію наоборотъ», и на сколько способна эта революція разрѣшить наболѣвшій аграрный вопросъ.

Реформа 1861 г. сулила простому народу «домашнее благополучіе», всей странѣ—«благо общественное», развитіе производительныхъ силъ; но не дала ни того, ни другого. Вмѣстѣ съ урѣзанными надѣлами она дала народу одну свободу—свободу плодиться и множиться. Задерживаемый крѣпостнымъ правомъ, естественный приростъ послѣ реформы удвоилъ населеніе за 50 лѣтъ. Но производительность земли за это время, если и развилась, то очень слабо; относительно слабо эволюціонировала и индустрія, и города не могли поглотить и десятой доли прироста сельскаго населенія. Въ Европѣ весь приростъ ушелъ въ города и за океанъ; у насъ, отъ земли ему было «некуда податься», и та же самая площадь, при почти одинаковой производительности, должна была прокормить двойное количество населенія. Аграрная проблема за 45 лѣтъ послѣ первой реформы не только не была разрѣшена, но обостреніе зе-

мельной нужды дошло до своего предѣла и въ 1905 г. подняло всю стомилліонную массу крестьянъ, сплотившуюся въ единодушномъ требованіи прирѣзки *земли*, требованіи, подкрѣпленномъ слишкомъ внушительными доводами, чтобы можно было его игнорировать.

Жалобы на «утѣсненіе въ землѣ», крики: «все одно—безъ земли намъ смерть» — раздавались во всѣхъ концахъ Россіи, несмотря на большую разницу въ обезпеченности землей у крестьянъ различныхъ районовъ. Острое малоземелье почувствовалъ и киргизъ съ сотней десятинъ на кибитку, и самарскій мужикъ съ десяткомъ и болѣе десятинъ душевого надѣла, и захудалый дарственникъ центральныхъ районовъ со своими «тремя сажнями» на душу. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ аграрное движеніе проявлялось сильнѣе какъ разъ въ многоземельныхъ мѣстностяхъ. Это вполнѣ понятно, такъ какъ въ многоземельные районы перетекало населеніе изъ центра, приростъ здѣсь шелъ убыстреннымъ темпомъ и гораздо сильнѣе нарушалось равновѣсіе между суммой потребностей населенія и тѣмъ количествомъ продуктовъ, которое давала земля при старыхъ, экстенсивныхъ системахъ хозяйства. Вообще, во всѣхъ районахъ населеніе увеличивалось быстрѣе средствъ существованія, получаемыхъ отъ земли: знаній и капиталовъ, необходимыхъ для интенсификаціи хозяйства у крестьянъ не было,—отсюда единственное средство создать себѣ мало-мальски сносную возможность существованія крестьяне видѣли въ прирѣзкѣ земли.

Это всеобщее ощущеніе остраго крестьянскаго малоземелья передалось и въ интеллигентскіе слои общества. Кто хоть слегка помнитъ содержаніе безчисленныхъ книгъ и брошюръ по аграрному вопросу этой эпохи, тотъ можетъ подтвердить, что оно, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, сводилось къ такой элементарной схемѣ: крестьяне бунтуютъ, потому что они голодны; а голодаютъ они, потому что у нихъ земли мало.

Представители лѣвыхъ, среднихъ и даже, отчасти, правыхъ направленій сходились на этомъ пунктѣ и разрѣшеніе аграрной проблемы видѣли въ томъ, что земли прибавить крестьянамъ необходимо теперь же. Сколько прибавить земли, откуда ее взять и на какихъ условіяхъ передать крестьянамъ — каждая партія рѣшала по своему; но мы можемъ смѣло сказать, что подавляющее большинство тогдашнихъ общественныхъ направленій выставляло главнымъ способомъ разрѣшенія аграрнаго вопроса устраненіе крестьянскаго малоземелья.

Голосъ всего народа, почти всѣхъ слоевъ общества нашелъ себѣ выраженіе въ вотумѣ первой Государственной Думы, за что, какъ извѣстно, она и была разогнана. Съ тѣхъ поръ правительство взвалило всю тяжесть аграрнаго вопроса на свои плечи—ему первому придется принять удары при пораженіи, или надолго торжествовать, укрѣпивши свои позиціи, при побѣдѣ. Отвергнувъ рѣшеніе

аграрной проблемы, выставленное первой Думой, подавивши возстаніе силой, правительство, тѣмъ не менѣе, не могло оставить эту проблему неразрѣшенной или отдѣлаться полумѣрами. И для него стало яснымъ, что тогда не будетъ ему мало-мальски спокойной жизни: какъ говорилось тогда, на штыки можно опереться, но усидѣть на нихъ нельзя. Уже одна внѣшняя зависимость русскихъ финансовъ отъ иностранныхъ капиталовъ требовала и серьезнаго внутренняго успокоенія, возможнаго только при сносномъ «домашнемъ благополучіи» народныхъ массъ, и развитія производительныхъ силъ страны. Фундаментомъ для того и для другого въ Россіи можетъ быть только удачное, радикальное разрѣшеніе аграрнаго вопроса. Вотъ почему министерство Столыпина, укрѣпивши свою власть, немедленно приступило къ проведенію въ жизнь собственнаго плана аграрной реформы.

Каковы же основныя цѣли этой реформы? Изъ предыдущаго видно, что аграрный вопросъ у насъ сводился къ вопросу о недостаточности средствъ существованія, добываемыхъ крестьянами изъ земли. Разрѣшить его можно было бы двумя способами: или расширеніемъ крестьянскаго землепользованія—прирѣзкой земли, или интенсификаціей сельскаго хозяйства, т. е., развитіемъ производительности земли, при которомъ одна и та же площадь давала бы удвоенное количество продуктовъ.

Первый способъ—дополнительное надѣленіе землей, въ размѣрахъ на столько широкихъ, чтобы оно дало возможность и сноснаго существованія большинству крестьянъ, и нѣкотораго накопленія средствъ и силъ, необходимыхъ для дальнѣйшаго постепеннаго перехода къ улучшеннымъ системамъ, земледѣлія,—для правительства былъ органически непріемлемъ. Самые элементарные разсчеты показываютъ, что даже доведеніе крестьянскихъ надѣловъ до потребительныхъ нормъ, при экстенсивномъ хозяйствѣ, поглотило бы почти цѣликомъ весь фондъ удобныхъ помѣщичьихъ, казенныхъ, удѣльныхъ и монастырскихъ земель. Для правительства, связаннаго съ крупнопомѣстнымъ классомъ узами самаго тѣснаго родства, такая реформа равнялась бы самоубійству.

Поэтому министерство Столыпина остановилось на второмъ способѣ и построило свой планъ на немедленномъ поднятіи уровня крестьянскаго хозяйства. Но, дѣйствуя, главнымъ образомъ, въ своихъ интересахъ, оно выдвинуло впередъ не хозяйственно-экономическую, а политическую сторону реформы.

Опытъ пореформенной эпохи показалъ, что крупное частное и, въ особенности, дворянское землевладѣніе катится по наклонной плоскости съ возрастающей скоростью и удержать его паденіе не могли ни милліарды выкупныхъ и ссудныхъ капиталовъ, ни прямыя и косвенныя льготы и субсидіи. На мѣсто дворянскаго землевладѣнія выростаетъ крестьянское—и съ этимъ неизбѣжнымъ процессомъ необходимо считаться. Помѣщичій классъ становится

слишкомъ мизернымъ, чтобы правительство могло опереться только на него одного: крупная буржуазія городовъ численно невелика и не всегда «законопослушна»; ясно, что изъ крестьянской среды необходимо выдѣлить классъ мелкой сельской буржуазіи, который могъ бы служить опорой для правительства и оплотомъ противъ недовольства остальной крестьянской массы, направленнаго до сихъ поръ исключительно на помѣщиковъ. Созданіе такого класса и является главной задачей правительственной аграрной политики.

Этотъ новый классъ, чтобы выполнять свое назначеніе, долженъ обладать тремя свойствами. Прежде всего, онъ долженъ быть политически консервативнымъ. Но консерватизмъ покоится на довольствѣ, а довольство создается экономическимъ благополучіемъ: слѣдовательно, второе необходимое свойство этого класса—онъ долженъ быть матеріально обезпеченнымъ, зажиточнымъ,—словомъ, сильнымъ экономически. Однако, экономически сильны и мелкіе деревенскіе кулаки-паразиты, но они вредны и для народа, такъ какъ высасываютъ изъ него соки, а сами не создаютъ хозяйственныхъ цѣнностей, вредны и для правительства, такъ какъ этими соками питается и казна. Правительству нуженъ не классъ соціальныхъ паразитовъ, а классъ хозяевъ, самостоятельныхъ производителей, способныхъ двинуть впередъ развитіе производительныхъ силъ нашей страны, такой богатой дарами природы и такой бѣдной продуктами человѣческаго труда. Отсюда третій существенный признакъ этого будущаго класса—его хозяйственная прогрессивность.

Наконецъ, чтобы явиться прочной опорой существующаго строя, чтобы создать необходимый для государства и націи сельско-хозяйственный прогрессъ, новый классъ долженъ быть количественно весьма значительнымъ, долженъ исчисляться не тысячами, а милліонами хозяйствъ. Конечно, всѣхъ довольными сдѣлать нельзя; но среди крестьянъ и сейчасъ имѣются довольно обширные слои «сильныхъ», могущіе явиться фундаментомъ для созиданія этого класса.

Такимъ образомъ, правительство спроектировало комбинацію, удовлетворяющую и его собственнымъ политическимъ интересамъ, и назрѣвшимъ хозяйственно-экономическимъ нуждамъ страны. Соединеніе политики съ экономикой придало реализаціи правительственнаго плана особый отпечатокъ. На первое мѣсто выдвинута не реорганизація крестьянскаго хозяйства, а переворотъ въ формахъ земельной собственности. Первой своей задачей правительство поставило уничтоженіе общины и созданіе института личной земельной собственности, какъ вслѣдствіе искренняго убѣжденія, что община препятствуетъ сельско-хозяйственному прогрессу, такъ и потому, что мелкіе земельные собственники, судя по примѣру Западной Европы, наиболѣе консервативны. Эта первая стадія аграрной реформы получила мѣткое названіе «земле-

разстройства»: понятно, что ограничиться только землеразстройствомъ значило бы не рѣшить аграрную проблему, а только ухудшить существующее положеніе вещей. И критики правительственной программы вначалѣ не напрасно укоряли правительство въ томъ, что у него преобладаютъ разрушительная тенденціи. Но теперь уже ясно, что за разрушеніемъ слѣдуетъ созиданіе, за землеразстройствомъ—з е м л е у с т р о й с т в о, какъ необходимая предпосылка сельско-хозяйственной эволюціи. Изъ всѣхъ различныхъ формъ землеустройства, министерство Столыпина остановилось на хуторской, наиболѣе способной привить крестьянамъ чувство уваженія къ священной частной собственности, своей и чужой. На хуторахъ крестьянинъ изолированъ отъ остальной деревенской массы, онъ невольно становится къ ней во враждебныя отношенія и весь пропитывается узко-собственническими инстинктами. Вмѣстѣ съ тѣмъ хуторская форма землеустройства лучше всѣхъ другихъ способствуетъ прогрессу земледѣлія. Здѣсь у крестьянина вся его земля «въ одномъ глазу», а приближеніе земли къ земледѣльцу сразу повышаетъ производительность его труда въ нѣсколько разъ: становится возможной тщательная обработка полей, интенсивное удобреніе. Сейчасъ милліоны десятинъ пустуютъ подъ жалкими общественными выгонами, тощимъ кустарникомъ, заболоченнымъ лугомъ: хуторяне расчистятъ кустарники, осушатъ луга, превратятъ въ плодородную пашню никуда негодный выгонъ. Процвѣтетъ земля—процвѣтутъ и крестьяне на хуторахъ. Процвѣтутъ крестьяне—процвѣтетъ и государство. Развитіе производительныхъ силъ, при консервативномъ направленіи умовъ, взамѣнъ современнаго паденія этихъ силъ, при всеобщемъ недовольствѣ—вотъ что обѣщаетъ правительству планомѣрно проведенная аграрная реформа. Такая реформа надолго укрѣпитъ существующій «правопорядокъ», а это, естественно, является конечной цѣлью министерства Столыпина.

Но вѣдь эта реформа—ставка на сильныхъ. Сильные, выдѣлившись изъ общины, переселившись на хутора, захватятъ большую часть надѣльной земли и приберутъ къ своимъ рукамъ, при посредствѣ крестьянскаго банка, весь запасъ земли, перетекающій отъ помѣщиковъ къ крестьянамъ, такъ какъ эти земли продаются только въ видѣ хуторовъ и отрубовъ. Слабые неминуемо сдѣлаются еще слабѣе и въ значительной части потеряютъ землю. Какова же ихъ дальнѣйшая судьба, чѣмъ они будутъ существовать и не станутъ ли они грозной опасностью для всеобщаго порядка и спокойствія? Но правительство, повидимому, мало безпокоится по этому поводу. Слабые, конечно, легко могутъ превратиться въ чистыхъ пролетаріевъ; но, если въ Европѣ сельскій пролетаріатъ уходитъ въ города и переселяется за океанъ, то вѣдь и у насъ онъ можетъ дѣлать то же самое. Современемъ подъемъ производительныхъ силъ отзовется и на развитіи индустріи; пока же правительство усиленно пропагандировало переселеніе въ Сибирь. Наконецъ,

прогрессъ сельскаго хозяйства подыметъ спросъ на рабочія руки и со стороны помѣщиковъ, и со стороны хуторянъ. Увеличеніе сельскаго пролетаріата имѣетъ свою хорошую сторону въ томъ, что у помѣщиковъ не будетъ недостатка въ рабочихъ рукахъ, на который они не переставали жаловаться до сихъ поръ. Что касается до политической опасности, то сельскій пролетаріатъ гораздо менѣе способенъ къ организаціи, чѣмъ городской; съ другой стороны, ему будутъ противостоять не только помѣщики, но и свои братья—хуторяне, бывшіе однообщественники. Классовый ангагонизмъ между милліонами хуторянъ и милліонами батраковъ гораздо безопаснѣе, чѣмъ такой же антагонизмъ между десятками и сотнями фабрикантовъ и милліонами рабочихъ: въ первомъ случаѣ, даже физически, обѣ стороны будутъ равносильны, и хуторянамъ врядъ ли понадобится полицейская или военная поддержка, безъ которой промышленный капитализмъ не обходился ни въ одной странѣ. Слабый крестьянинъ, въ качествѣ батрака у хуторянина, будетъ гораздо производительнѣе, чѣмъ теперь: хозяинъ-мужикъ сумѣетъ заставить его работать гораздо лучше, чѣмъ онъ работалъ раньше на своихъ трехъ десятинахъ.

Итакъ, правительственная аграрная программа, взамѣнъ заботы о слабыхъ элементахъ крестьянства, заботы, являвшейся основной идеей большинства общественныхъ направленій до сихъ поръ, построена на заботѣ о с и л ь н ы х ъ. Цѣлью правительственной политики является созданіе значительнаго по величинѣ, политически-консервативнаго, хозяйственно-прогрессивнаго и экономически-сильнаго класса собственниковъ-хуторянъ. Выяснить, на сколько соотвѣтствуютъ первые итоги реформы этой цѣли, и является задачей дальнѣйшаго изложенія

II.

П о м о щ ь с л а б ы м ъ.

Но прежде, въ видахъ болѣе яснаго представленія о дѣйствительномъ ходѣ аграрной реформы, намъ придется охарактеризовать, въ общихъ чертахъ, другую сторону дѣятельности правительства, въ которую оно было вовлечено революціоннымъ подъемомъ 1905 г.

Растерявшись въ моментъ революціи, правительство сдѣлало нѣсколько шаговъ въ сторону покровительства слабымъ. «Высочайшимъ манифестомъ 1905 г. на крестьянскій поземельный банкъ возложена обязанность помогать м а л о з е м е л ь н ы м ъ крестьянамъ въ расширеніи, покупкою, площади ихъ владѣнія, на льготныхъ условіяхъ и предоставлены необходимыя для того средства. Засимъ, 12 и 28 авг. 1906 г. высочайше повелѣно передать для той же цѣли крестьянскому банку часть удѣльныхъ земель и предназначить къ продажѣ крестьянамъ также пригодныя для сельско-

хозяйственной обработки казенныя земли» *). Въ изданіи центр. ст. к-та «Статистика землевладѣнія 1905 г.» мы находимъ указанія на размѣры земельнаго фонда, которымъ правительство собиралось въ ту пору помогать малоземельнымъ: онъ состоялъ изъ 1,5 милл. дес. уже купленной банкомъ у помѣщиковъ земли, 8,3 мил. дес., предложенныхъ помѣщиками, 7,6 мил. дес. казенныхъ и 2,1 мил. дес. удѣльныхъ земель, всего изъ 19,5 мил. дес.—цифры, на первый взглядъ, довольно солидной. Малоземельныхъ дворовъ, имѣющихъ менѣе 5 дес. на дворъ, указанное изданіе насчитываетъ около 3 милліоновъ: слѣдовательно, изъ этого фонда возможна была прибавка по 6,5 дес. на дворъ. Но если бы даже правительство осуществило свои обѣщанія,—фондъ для малоземельныхъ оказался бы значительно меньшаго объема: большинство казенныхъ земель, назначенныхъ къ продажѣ, лежитъ на сѣверѣ—въ Архангельской, Вологодской, Пермской губ., или на юго-востокѣ—въ Астраханской, Самарской; тамъ же расположены и удѣльныя земли. Архангельская, Вологодская, Астраханская губ. ничѣмъ не лучше Сибири и киргизскихъ степей: вмѣсто того, чтобы здѣсь платить деньги за землю, крестьянамъ выгоднѣе было ее получить даромъ въ азіатскихъ предѣлахъ. Главную основу фонда, поэтому, должны составить помѣщичьи земли, которыя, въ моментъ паники, казна могла закупить сравнительно дешево и въ большомъ числѣ. Если крестьяне, разсчитывая на даровую прирѣзку, вначалѣ ихъ не покупали, то, послѣ подавленія возстанія и «твердаго курса», принятаго правительствомъ въ аграрномъ вопросѣ, слѣдовало разсчитывать на то, что, разочаровавшись въ своихъ мечтахъ, крестьяне набросятся на банковскія земли. Такъ и случилось: съ 1906 г. крестьянскія покупки растутъ въ геометрической прогрессіи, но параллельно съ этимъ банкъ сокращаетъ свои собственныя операціи по пріобрѣтенію помѣщичьихъ имѣній.

	Банкомъ	Крестьянами. (въ тыс. дес.)		
	куплено у помѣщиковъ.	непосредственно у банка.	черезъ посредство банка	всего куплено крестьянами.
1906 г.	1144	40	483	523
1907 г.	1520	191	742	933
1908 г.	573	332	687	1019
1909 г.	173	551	676	1227
1910 г.	170	763	787	1550
Итого, . . .	3580	1877	3375	5252

За три послѣднихъ года покупка земель крестьянами достигла небывалой высоты, и, въ общемъ, за первое пятилѣтіе послѣ революціи

*) Александровскій К. В. «Законъ 14-го іюня 1910 г»., стр. 2.

ими пріобрѣтено только на 3 мил. дес. меньше, чѣмъ за всѣ 23 года дѣятельности крестьянскаго банка до революціи (8.276 тыс. дес. за 1883—1905 гг.). Ясное дѣло, что сокращеніе собственныхъ операцій банка зависѣло не отъ паденія спроса на землю со стороны крестьянъ, а отъ другихъ причинъ. Банкъ усиленно закупалъ земли въ годы паники, но не потому, что онѣ были дешевы въ эти годы—банкъ, какъ извѣстно, платилъ помѣщикамъ значительно дороже, чѣмъ могъ бы платить въ это время,—а съ противоположной цѣлью, чтобы не допустить до раззорительнаго для помѣщиковъ паденія цѣнъ. Въ 1908 г. цѣны стали подниматься,—и банкъ счелъ свою обязанность выполненной.

Кромѣ 3,6 мил. десятинъ, купленныхъ у помѣщиковъ, банку передано 1,2 мил. дес. удѣльныхъ земель, почти цѣликомъ, въ періодъ 1907—8 гг. Казенныхъ земель до 1 янв. 1911 г. продано только 281 тыс. дес.—большинство ихъ (3,8 мил. дес.), какъ и до революціи, сдается въ аренду. Въ итогѣ, вмѣсто обѣщанныхъ 19,5 мил. десятинъ, весь земельный фондъ банка къ 1 іюля 1910 г. (включая земли, купленныя банкомъ и оставшіяся за нимъ) составилъ 5,3 мил. дес.—почти вчетверо менѣе. Но и этотъ фондъ расположенъ такъ, что онъ далеко не соотвѣтствуетъ цѣли, провозглашенной манифестомъ 3-го ноября 1905 г. Если мы распредѣлимъ губерніи по проценту малоземельныхъ дворовъ и посмотримъ, какъ располагается банковскій фондъ въ этихъ губерніяхъ, то увидимъ:

	Число малоземельныхъ дворовъ (въ тыс.)	Банковскіе земельные запасы (въ тыс. дес.)	На 1 малозем. дворъ приходится дес. банковскихъ запасовъ.
8 губ. имѣющихъ, свыше 30% малоземельныхъ. .	1447	588	0,4
10 губ.—20—30% . . .	667	974	1,5
13 » —10—20 »	569	1588	2,8
18 » —до 10 »	145	1987	13,7

Банковскій фондъ расположенъ обратно пропорціонально крестьянской земельной нуждѣ: гдѣ maximum малоземельныхъ, тамъ minimum запасовъ банка и наоборотъ. Въ одной Самарской губ. у банка 944 тыс. дес., въ Саратовской, часть которой тоже является многоземельной,—777 тыс. дес.: вообще, большая половина земель банка сосредочена въ среднемъ и нижнемъ Поволжьѣ, гдѣ, до сихъ поръ, потомки екатерининскихъ фаворитовъ владѣютъ огромными латифундіями. Здѣсь волны аграрнаго движенія достигли наибольшей высоты, здѣсь наиболѣе потрясено было этимъ движеніемъ помѣстное землевладѣніе,—сюда и направились главныя усилія банка на пріобрѣтеніе земли по «справедливой», для гг. землевладѣльцевъ, оцѣнкѣ.

Концентрація земельнаго фонда въ относительно многоземель-

ныхъ районахъ съ самаго начала тормазила покупку земель крестьянами, тормазитъ она и теперь: въ губерніяхъ, имѣющихъ до 20% малоземельныхъ, продано и запродано по 1 іюля 1910 г. 36,8% земельнаго запаса, а въ губерніяхъ, гдѣ процентъ малоземельныхъ выше 20—66,9%, почти вдвое болѣе.

Вслѣдствіе той же тенденціи—спасать помѣщиковъ, банкъ вмѣсто того, чтобы способствовать пониженію цѣнъ, поднялъ ихъ на небывалую высоту, и десятина его земли, продававшаяся въ 1906 г. по 71 рублю, въ 1909 г. дошла до 136 рублей. Тяжесть высокихъ цѣнъ усиливается землеустроительной политикой, въ которую втянутъ почти весь земельный запасъ банка: хутора и отруба, въ силу техническихъ условій, въ огромномъ большинствѣ, представляютъ довольно крупные участки—по 13½ дес. въ среднемъ. Землеустроительная политика окончательно исказила первоначальную цѣль образованія фонда, провозглашенную манифестомъ 3-го ноября, и вмѣсто помощи малоземельнымъ получилась для нихъ тяжелая кабала.

Къ 1911 г. у банка осталось 3,6 мил. дес.: изъ этого количества болѣе милліона десятинъ уже запродано, около милліона (954 тыс.) банкъ не продаетъ, частью потому, что онѣ находятся въ долгосрочной арендѣ, частью вслѣдствіе ихъ непригодности для продажи (лѣсныя площади, промышленныя имѣнья, неудобныя земли). Ничтожный, сравнительно съ земельной нуждой крестьянъ, остатокъ въ 1,7 мил. дес. расположенъ преимущественно на окраинахъ—онъ уже землеустроенъ и ждетъ «крѣпкихъ» хуторянъ. Такимъ образомъ, манифестъ 3-го ноября постигла та же судьба, что и манифестъ 17 октября: оба они, пока что, ликвидированы.

Ликвидируется, въ значительной степени самъ собой, хотя и противъ желанія правящихъ сферъ, и другой способъ помощи малоземельнымъ—переселеніе. Дѣлая ставку на сильныхъ, правительство разсчитывало значительную долю слабыхъ сплавить въ Сибирь. И, дѣйствительно, широко рекламировавши переселеніе, оно добилось такого успѣха, что само не могло справиться съ эмиграціоннымъ потокомъ, хлынувшимъ въ Азію, и принуждено было дважды его останавливать. Но съ 1909 г. переселенческое движеніе начинаетъ падать и растетъ потокъ обратныхъ переселенцевъ—грозный потокъ разворившихся, выбитыхъ изъ колеи, потерявшихъ свои надѣлы на родинѣ, озлобленныхъ людей.

	Переселенцевъ (безъ ходоковъ) въ тыс. душъ.		На 100 прямыхъ переселенцевъ приходится обратныхъ.
	Прошло въ Азію	Вернулось назадъ.	
Въ 1906 г. . .	139,1	13,7	9,8
» 1907 » . . .	427,3	27,2	6,4
» 1908 » . . .	664,8	45,1	6,8
» 1909 » . . .	619,3	82,3	13,3
» 1910 »	316,2	114,9	36,4
» 1911 » (по 21 сент.)	166,5	84,4	50,2

Въ 1910 г. по 21 сент. прошло въ Сибирь 296,6 тыс. переселенцевъ—почти вдвое болѣе, чѣмъ въ настоящемъ году; процентъ обратныхъ за то же время равнялся только 26,8, т. е. былъ вдвое менѣе нынѣшняго. Такъ какъ неудачные переселенцы возвращаются изъ Сибири, главнымъ образомъ, осенью, то въ нынѣшнемъ году надо ожидать возврата до двухъ третей переселенцевъ.

Упадокъ переселенческаго движенія официальные органы объясняютъ двойнымъ хорошимъ урожаемъ въ Европейской Россіи и неурожаемъ въ Сибири. Въ «Обзорѣ за 1909 г.» приводится такое доказательство связи переселенческаго движенія съ урожаемъ: «въ первое полугодіе отчетнаго года, когда урожай еще не опредѣлился окончательно, число прямыхъ переселенцевъ достигло 524.480 чел., превысивъ движеніе перваго полугодіи 1908 года на 37.974 чел.; за второе же полугодіе 1909 г., когда урожай уже отразился на настроеніи и планахъ крестьянъ, число прошедшихъ за Уралъ переселенцевъ составило всего 94.840—меньше, чѣмъ въ 1908 г. на 83.431 чел. или 47% » (стр. 97).

Доказательство довольно наглядное: но, несомнѣнно, кромѣ этой временной причины на сокращеніе прямого и ростъ обратнаго переселенческаго движенія вліяетъ и болѣе постоянный факторъ—сокращеніе запасовъ наиболѣе удобныхъ и близъ лежащихъ земель въ Западной Сибири. Неустроенныхъ «самовольцевъ» уже набралось за Ураломъ 700 тыс. душъ и главные кадры обратныхъ составляются изъ этихъ самовольцевъ, потерявшихъ надежду когда-либо устроиться самостоятельно на новыхъ мѣстахъ. Неустроенные переселенцы мыкаются въ качествѣ арендаторовъ и батраковъ у мѣстнаго населенія въ Западной Сибири, въ то время, какъ въ Восточной пустуютъ сотни тысячъ заготовленныхъ участковъ. Чтобы урегулировать распредѣленіе переселенцевъ по разнымъ сибирскимъ областямъ, министерство проектируетъ прекратить даровую раздачу земель въ болѣе удобныхъ районахъ запада и пустить ихъ въ продажу. «Переходъ отъ даровой раздачи переселенческихъ участковъ къ назначенію денежной платы въ лучшихъ, переполненныхъ теперь переселенцами районахъ Западной Сибири, — говорится въ министерской запискѣ,—вѣрнѣе всякихъ иныхъ мѣръ по упорядоченію ходачества и переселенія ограничитъ наплывъ сюда ходоковъ и семейныхъ переселенцевъ».

Эта мѣра, проведенная широко, сильно подорветъ переселенческое движеніе не только въ Западную Сибирь, но и въ другія области, а главное, всей своей тяжестью ударитъ по «слабымъ», малоземельнымъ и маломощнымъ переселенцамъ.

Въ дореволюціонный періодъ, и особенно до постройки желѣзной дороги, переселялся преимущественно мужикъ-середнякъ: «богатому незачѣмъ было идти, бѣдному не на что». Желѣзная дорога, нѣкоторыя льготы и пособія облегчили доступъ къ пересе-

ленію для бѣдняковъ, и процентъ ихъ въ средѣ эмигрантовъ сильно возросъ. Такъ, въ Харьковской губ. изъ переселенцевъ 1898—1904 гг. безземельныхъ и малоземельныхъ (до 4 дес. на дворъ) было 52,7%, а въ 1905—1908 гг.—72,8%, въ Черниговской губерніи средній размѣръ крестьянскаго землевладѣнія—8,2 дес. на дворъ, а у переселившихся въ 1905—1908 гг.—3,9 дес. Въ большинствѣ уѣздовъ $^3/_4$ переселенцевъ имѣли менѣе 3-хъ десятинъ на дворъ. Малоземельный крестьянинъ—въ то же время и маломощный: у него и усадьба плохая, и инвентарь грошевый, и земли почти нѣтъ для продажи. Такому крестьянину удастся, при помощи ликвидаціи своего имущества, добыть небольшую сумму, которой можетъ хватить только на проѣздъ до ближайшихъ районовъ Сибири, да, съ прибавкой ссуды, на первое обзаведеніе. Продвинуться на Дальній Востокъ, разработать глухіе таежные участки—ему просто не подъ силу: и въ ближнихъ мѣстахъ, на болѣе легкихъ участкахъ пройдетъ нѣсколько лѣтъ, прежде чѣмъ его хозяйство окрѣпнетъ. Наваливать же на него, какъ разъ въ самый критическій моментъ его новой жизни, платежи за землю—значитъ, пришибить его такъ, что онъ потомъ уже никогда не поднимется.

Эта мѣра, въ связи съ проектомъ сибирскаго землеустройства, показываетъ, что и въ Сибири правительство отбросило свою прежнюю тенденцію помощи слабымъ и собирается дѣлать ставку на сильныхъ*). Удастся ли эта ставка—покажетъ ближайшее будущее; но если офиціальныя сферы сами ставятъ ростъ переселенческаго движенія въ непосредственную связь съ неурожаями на мѣстахъ—значитъ, онѣ понимаютъ, что на Сибирь разсчитываютъ не богатые слои деревни, а раззоренные, маломощные ея элементы. И этимъ элементамъ проектируемая продажа земель ставитъ непреодолимую преграду для созданія мало-мальски сноснаго самостоятельнаго хозяйства на новыхъ мѣстахъ.

Итакъ, за четыре года пореволюціонной эпохи правительство совершенно оставило мысль о помощи «слабымъ» въ какой-либо формѣ. Оба, разсмотрѣнные сейчасъ, вида этой помощи оно собирается окончательно приспособить къ осуществленію своей аграрной программы, центромъ которой является «ставка на сильныхъ». И въ Европѣ, и въ Азіи, и на перешедшихъ къ крестьянамъ частныхъ и на надѣльныхъ земляхъ оно рѣшило способствовать «процессу выдѣленія и обособленія... отдѣльныхъ наиболѣе крѣпкихъ хозяйственныхъ единицъ». Правительственный планъ пріобрѣлъ стройный, цѣльный и законченный видъ,

*) Въ 1911 г. переселенческое управленіе собирается не столько переселять крестьянъ изъ Европейской Россіи—оно само разсчитываетъ, что переселятся въ этомъ году не болѣе 40 тыс. семействъ,—сколько „землеустраивать“ старыхъ поселенцевъ, разбивать ихъ земли на хутора и отруба, на что ассигнуется большая половина испрашиваемаго 28-милліоннаго фонда.

охвативши всѣ самые отдаленные уголки сложной аграрной проблемы. Наше соціальное законодательство, до сихъ поръ, не знало ничего подобнаго по смѣлости и стройности замысла; и передъ своеобразной красотой этого плана склонились не только тѣ, кто всегда привыкъ преклонять колѣна передъ власть имѣющими, но и значительная часть оппозиціи, уже мечтающая о томъ, что частная собственность на землю и хуторизація создадутъ «недостающій теперь соціальный базисъ для русскаго либерализма, и непосильная настоящему задача будетъ разрѣшена» *). Посмотримъ теперь, склонилась ли передъ этимъ планомъ реальная жизнь народныхъ массъ.

III.

Землеразстройство.

Мы сказали выше, что первой задачей правительства, при проведеніи въ жизнь своего плана, является разрушеніе общины. Только во вновь колонизуемыхъ странахъ, не имѣющихъ исторически-сложившихся формъ землепользованія, правительственному землеустройству предоставляется полный просторъ. Но и въ Западной Европѣ, и въ Россіи, прежде чѣмъ правительства взялись за землеустройство, сельское населеніе прожило много вѣковъ и такъ или иначе разрѣшило, по своему, землеустроительныя задачи. Государственная власть, при проведеніи своего плана, должна или приспособить его къ уже существующимъ формамъ землеустройства и землепользованія, или разрушить ихъ, если эти формы не соотвѣтствуютъ правительственнымъ цѣлямъ. Наше министерство избрало второй путь: землеустройство оно начало съ **землеразстройства**—съ уничтоженія общиннаго уклада. Почему правительству понадобилось разрушить общину?

Мы не склонны обвинять правительство въ томъ, что оно предприняло разрушеніе общины съ одной исключительной цѣлью произвести разслоеніе, поселить классовый антагонизмъ въ крестьянской средѣ. Дѣйствительно, главная цѣль его—«ставка на сильныхъ», но не надо забывать, что мощь этихъ сильныхъ въ представленіи правительства должна базироваться на **хозяйственномъ прогрессѣ**. Кулаки-паразиты, сами не производящіе хозяйственныхъ благъ, будутъ только задерживать, а не развивать производительныя силы народа, будутъ способствовать всеобщему оскудѣнію, а это оскудѣніе, рано или поздно, отразится и на положеніи самого правительства. Съ другой стороны, эти паразитарные элементы не могутъ разростись до размѣровъ количественно обширнаго класса: въ каждой деревнѣ ихъ будетъ по 2—3 человѣка, иначе они станутъ поѣдать другъ друга. А правительству

*) См. замѣтку князя Е Трубецкого въ «Русской Мысли». 1911 г. № 2.

нуженъ большой численно классъ хозяйственныхъ мужичковъ, самостоятельныхъ производителей цѣнностей, стоящій на его сторонѣ. Однимъ словомъ, хозяйственно-экономическая сторона правительственной аграрной программы не отдѣлима отъ политической: обѣ срослись, какъ сіамскіе близнецы, и невыполненіе одной половины программы влечетъ за собой гибель другой.

И если министерство Столыпина, или, вѣрнѣе, его покойный представитель, стремились разрушить общину, то не только потому, что она, по представленію большинства, препятствуетъ разслоенію деревни, но и вслѣдствіе убѣжденія во вредѣ общины для сельскохозяйственной эволюціи *). Это убѣжденіе съ нимъ раздѣляютъ весьма многіе, даже противники правительственной политики вообще, даже нѣкоторые изъ прогрессивныхъ крестьянъ. И, чѣмъ далѣе идетъ разрушеніе общины, тѣмъ больше у нея появляется идейныхъ враговъ, тѣмъ рѣже становятся ряды ея защитниковъ и тѣмъ безнадежнѣе дѣлается ихъ позиція.

Расколъ по вопросу объ общинѣ начался не со вчерашняго дня не только въ средѣ ученыхъ—историковъ и экономистовъ, но и въ сѣрой крестьянской массѣ. Типичный образецъ такого раскола даютъ «Матеріалы всероссійскаго съѣзда крестьянъ-старообрядцевъ въ Москвѣ 22—25 февраля 1906 г.» На этомъ съѣздѣ фигурировали представители рядового безпартійнаго крестьянства. Большинство вопросовъ, касавшихся наболѣвшихъ нуждъ крестьянской жизни, прошло почти безъ спора: одинъ вопросъ объ общинѣ—о желательности сохранить ее или уничтожить—потонулъ въ безконечныхъ словопреніяхъ, закончившихся всеобщимъ гамомъ и крикомъ, и опредѣленной резолюціи не было вынесено. Хотя за общину высказывалось, повидимому, большинство, но главный доводъ ея противниковъ такъ и не былъ опровергнутъ, а этотъ доводъ, въ глазахъ многихъ, имѣетъ рѣшающее значеніе. «Община мѣшаетъ удобренію земли и своевременной обработкѣ полей,—заявили противники общины. Опытомъ доказано, что община не даетъ такихъ результатовъ урожая, какъ подворное владѣніе, что испытано нами, подписавшими таковые факты». Главный доводъ сторонниковъ общины на съѣздѣ лежалъ въ другой плоскости: община способствуетъ болѣе равномѣрному, справедливому распредѣленію земли между крестьянами. Оба эти довода проходятъ красной нитью въ большинствѣ споровъ и въ интеллигентской средѣ, а между тѣмъ, и тотъ и другой, по нашему личному мнѣнію, не

*) Въ недавно прекратившемся журналѣ «Бодрое Слово» мы указывали, что хуторомания—наслѣдственная идея въ роду Столыпиныхъ, что Д. А. Столыпинъ еще 40 лѣтъ назадъ первый насаждалъ хутора въ своихъ имѣньяхъ (уничтоженные его наслѣдниками) и проповѣдывалъ въ статьяхъ и брошюрахъ тѣ самыя идеи, съ которыми покойный премьеръ началъ производить эксперименты надъ всей Россіей.

совсѣмъ правильны по существу. Вотъ почему, мы позволимъ себѣ нѣсколько остановиться на этомъ вопросѣ.

Главный доводъ противниковъ общины: она препятствуетъ прогрессу сельскаго хозяйства. Доводъ этотъ, какъ вытекаетъ изъ его смысла, долженъ опираться на предшествующій опытъ: для доказательства его справедливости необходимо установить на фактахъ, и при томъ не единичныхъ, а массовыхъ *), что община, дѣйствительно, тормазила сельско-хозяйственный прогрессъ. Такъ и поступаютъ противники общины: они, прежде всего, ссылаются на примѣръ Западной Европы. Въ Европѣ, дескать, была община и трехполье, принудительный сѣвооборотъ и голодовки; уничтожилась община—появилось травосѣяніе, и плодосмѣнъ, урожаи удвоились и крестьяне стали благоденствовать. Это доказательство чрезвычайно популярно: его можно найти въ любой статьѣ литературныхъ враговъ общины, и, благодаря милліонамъ брошюръ, разосланныхъ черезъ администрацію по деревнямъ, оно знакомо болѣе грамотнымъ крестьянамъ.

Но это доказательство—совершенно негодное, ибо оно фактически невѣрно: русской уравнительно-передѣльной общины, зародыши которой появились у насъ лишь съ конца московской эпохи и которая не переставала развиваться до самаго послѣдняго времени,—Европа не знала. По словамъ г. Билимовича, у германцевъ «частное фактическое обладаніе непосредственно перешло въ частную собственность. Этому ходу противорѣчили бы періодическіе уравнительные передѣлы полей. И новѣйшія изслѣдованія опровергли доводы въ пользу ихъ существованія» **). Въ Германіи и въ другихъ европейскихъ странахъ, до конца среднихъ вѣковъ, существовало два вида крестьянскаго землепользованія: подворное, распространившееся на усадьбы, пашни и, отчасти, луга, и общее совмѣстное пользованіе крестьянами данной деревни другими угодьями: лѣсами, пастбищами, водами, пустошами, которые передѣлу не подвергались. Затѣмъ подворное пользованіе превратилось въ частную собственность, а общественныя угодья частью были захвачены помѣщиками, частью разверстаны между дворами; небольшіе остатки ихъ (альменды) сохранились до сихъ поръ. Эти смѣшанныя формы землепользованія выросли изъ древней волостной общины (марки), существовавшей и въ Россіи въ соотвѣтственную эпоху. Но въ Европѣ волостная община превратилась въ подворное землепользованіе, а это послѣднее—въ частную собственность, а въ Россіи довольно короткій періодъ подворнаго пользованія смѣнился передѣльной общиной, функціонирующей,

*) Единичныхъ фактовъ прогресса с. хозяйства въ общинѣ, какъ справедливо замѣчаетъ г. Билимовичъ, можно набрать сколько угодно: но они еще ничего не доказываютъ.

**) См. «Германское землеустроительное законодательство».

главнымъ образомъ, въ предѣлахъ тѣхъ угодій, которыя стали раньше всего предметомъ частнаго облацанія. Какъ и почему произошло такое расхожденіе формъ землепользованія—для насъ сейчасъ не интересно: намъ важно лишь установить, что Европа, въ данномъ случаѣ, намъ не указъ: современная русская передѣльная община есть, дѣйствительно, «самобытное» явленіе, и при томъ, сравнительно, недавняго происхожденія.

Разъ нельзя опереться на примѣръ Европы,—приходится ограничиться рамками одной Россіи. Въ Россіи существуетъ и подворное, и общинное землевладѣніе: дѣйствительно, въ массѣ, подворники прогрессивнѣе общинниковъ. Но ихъ прогрессивность объясняется совсѣмъ иными факторами, чѣмъ формы землепользованія. Подворники расположены на западѣ, общинники—на востокѣ отъ нихъ. Интенсификація земледѣлія идетъ у насъ съ запада на востокъ, такъ какъ она зависитъ, главнымъ образомъ, отъ густоты населенія, а на западѣ населеніе гораздо болѣе сгущено. Общинники ближайшаго къ западу промышленнаго центра, того самаго района, въ которомъ община самаго древняго происхожденія и въ которомъ, какъ показываютъ, напримѣръ, данныя по Владимірской губ., она развивается до сихъ поръ, ведутъ несравненно болѣе культурное хозяйство, чѣмъ пермяки, уфимцы, самарцы,—жители губерній, гдѣ передѣльная община возникла еще недавно и не успѣла сложиться въ опредѣленныя устойчивыя формы.

И внутри общинной Россіи существуетъ множество деревень, гдѣ крестьяне почти никогда не передѣлялись, т. е. крестьяне которыхъ фактически являются подворниками: но кто изъ противниковъ общины когда-либо доказалъ, что въ этихъ мертвыхъ общинахъ земледѣліе болѣе интенсивно?..

Наконецъ, развѣ крестьянское земледѣліе общинной Россіи стоитъ на одномъ мѣстѣ?.. Мы не будемъ приводить набившаго всѣмъ оскомину примѣра московскаго травосѣянія, но новѣйшія работы по этому вопросу показываютъ, что почти на всемъ пространствѣ великой россійской равнины уже началась ломка старыхъ пріемовъ экстенсивнаго хозяйства, и все яснѣе становится, что близокъ неизбѣжный переходъ нашего земледѣлія въ интенсивный фазисъ развитія производительности земли. Въ этихъ работахъ (кстати сказать, изданныхъ на казенныя средства *), констатирующихъ повсемѣстное распространеніе улучшенныхъ орудій и пріемовъ, мы не находимъ ни одного намека на то, чтобы община препятствовала такому распространенію. По словамъ одного изъ авторовъ этихъ работъ (кн. Масальскаго), при изученіи офиціальныхъ, земскихъ и частныхъ матеріаловъ по

*) Мы говоримъ о книгѣ В. Морачевскаго «Успѣхи крестьянскаго хозяйства въ Россіи» и о статьяхъ кн. Масальскаго „Явленія прогресса въ современномъ крестьянскомъ хозяйствѣ“ (Сельское хозяйство и лѣсоводство» 1910 г.).

этому вопросу, «предъ нами развертывается картина, не только не имѣющая ничего общаго съ тѣмъ безпросвѣтнымъ будущимъ крестьянскаго сельскаго хозяйства, которое представляютъ себѣ широкіе круги общества, но и поражающая еще небывалой у насъ интенсивностью стремленія крестьянъ къ агрикультурнымъ улучшеніямъ». Другой авторъ (г. Морачевскій), резюмируя изложенные въ своей книгѣ факты, приходитъ къ выводу, что «крестьянское хозяйство, въ техническомъ отношеніи, постепенно совершенствуется, при чемъ его прогрессъ становится особенно замѣтнымъ за послѣднее десятилѣтіе. Результаты с.-хозяйственнаго производства у крестьянъ, мало по-малу, повышались и при этомъ также въ наибольшей мѣрѣ за послѣднее десятилѣтіе».

Болѣе или менѣе замѣтный прогрессъ крестьянскаго хозяйства начался съ 80-хъ годовъ: чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ ходъ его становился все быстрѣе: плугъ вытѣснялъ соху на всемъ пространствѣ отъ Балтійскаго моря до Чернаго; почти такъ же развивалось и навозное удобреніе, возрастала покупка молотилокъ, сѣялокъ и другихъ орудій, и земскіе сельско-хозяйственные склады, начавши съ сотенъ тысячъ рублей, торгуютъ теперь на 6—7 милліоновъ въ годъ. Заводилось въ десяткахъ губерній и сотняхъ уѣздовъ сначала угловое, потомъ и полевое травосѣяніе. Случаи производства самими крестьянами серьезныхъ мелiорацій все учащались; расширялись попытки къ улучшенію животноводства, птицеводства, садоводства, огородничества и т. д. И кое гдѣ, какъ вѣнецъ всѣхъ частичныхъ улучшеній, наблюдалась коренная реорганизація системы полеводства или трансформація сѣвооборотовъ. Въ результатѣ, общая урожайность крестьянскихъ полей росла систематически и этому росту, повидимому, вовсе не препятствовало развитіе общинно-передѣльнаго механизма, констатированное данными, собранными К. Р. Качоровскимъ по 66 у.у. разныхъ губерній. Эволюціонировало сельское хозяйство—крѣпла и жизнеспособная община: гдѣ у кого изъ враговъ общины есть факты, доказывающіе, что, если бы община не развивалась, а умирала,—сельское хозяйство въ Россіи прогрессировало бы сильнѣе, чѣмъ мы видимъ теперь?

Такихъ фактовъ противники общины не приводятъ, а, слѣдовательно, ихъ аргументація не имѣетъ реальнаго базиса исторической дѣйствительности сельскаго хозяйства въ Европѣ и въ Россіи. Они могутъ исходить только изъ апріорныхъ предпосылокъ, утверждая, что структура общиннаго землепользованія, сама по себѣ, связываетъ общинниковъ по рукамъ и ногамъ черезполосностью, принудительнымъ сѣвооборотомъ, не позволяетъ разстаться съ традиціоннымъ трехпольемъ, лишаетъ иниціативы наиболѣе предпріимчивыхъ членовъ, убиваетъ всякую охоту улучшить свой участокъ, который черезъ нѣсколько лѣтъ перейдетъ къ другому и т. д. Всю сложную апріорную аргументацію противниковъ

общины можно свести къ двумъ главнымъ положеніямъ: 1) отсутствіе частной собственности на землю уничтожаетъ у общинника увѣренность въ продуктивности его труда. К. Р. Качоровскій приводитъ въ своемъ «Народномъ правѣ» такой доводъ крестьянина»: «желаю перехода въ подворное владѣніе... потому желаю—не успѣю удобрить загона, который не далъ настоящаго плода, какъ онъ переходитъ въ руки нерадивца, общественнаго трутня и пьяницы, который продаетъ за дешевую цѣну и пропиваетъ». Увѣренность, что частная собственность является главнымъ стимуломъ для сельско-хозяйственной эволюціи, такая сильная въ Европѣ 100 лѣтъ тому назадъ, теперь, подъ давленіемъ цѣлаго ряда противоположныхъ фактовъ, сильно ослабѣла. И, дѣйствительно, трудно говорить о прогрессивномъ значеніи частной собственности, когда въ двухъ передовыхъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи странахъ Западной Европы—Великобританіи и Бельгіи—почти всѣ земледѣльцы ведутъ свое хозяйство на арендуемыхъ земляхъ. Организація общины, какъ и долгосрочная аренда, вполнѣ допускаетъ законы и обычаи, которые обезпечиваютъ держателю земли оплату всѣхъ затратъ, вложенныхъ имъ въ его участокъ. И не тѣми или иными формами земельной собственности создается прогрессъ сельскаго хозяйства, а факторами, лежащими совсѣмъ въ иной плоскости,—главнымъ образомъ, ростомъ и уплотненіемъ населенія и его культурнымъ и соціальнымъ развитіемъ.

2) Другой аргументъ болѣе серьезенъ: община нераздѣльно связана съ чрезполосицей и принудительнымъ сѣвооборотомъ. Разъ наше правительство ставитъ во главу угла прогрессъ сельскаго хозяйства,—оно неминуемо должно покончить съ общиной, такъ какъ безъ уничтоженія отрицательнаго вліянія чрезполосицы немыслимъ переходъ къ интенсивному земледѣлію. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы подвергнемъ подробному анализу вопросъ о вредномъ значеніи чрезполосицы, а пока скажемъ только, что въ извѣстныхъ рамкахъ мы признаемъ значеніе этого аргумента. Но, спрашивается, развѣ у подворниковъ не существуетъ чрезполосицы, еще болѣе вредной, чѣмъ общинная, такъ какъ въ общинѣ она регулируется волей большинства, а у подворниковъ она зачастую зависитъ отъ прихоти каждаго отдѣльнаго хозяина? «Нельзя сказать, говоритъ г. Дензинъ, что подворное владѣніе не можетъ породить черезполосицу. Въ Россіи есть примѣры, какъ при исключительно подворномъ землевладѣніи въ Черниговской и Полтавской губ. развилась страшная чрезполосица, для уничтоженія которой было образовано особое межеваніе» *). Исторія европейскаго землеустройства еще болѣе богата фактами, указывающими на крайнее развитіе того, наиболѣе вреднаго, вида чрезполосицы, которая носитъ названіе «путаницы полосъ». Не будемъ много распространяться по этому

*) Дензинъ. Межеваніе и землеустройство въ Россіи. Пенза. 1909 г.

поводу: сошлемся на главнаго представителя научной офиціальной литературы г. Кофода, начинающаго свой двухтомный трудъ о крестьянскихъ хуторахъ такими словами: «спорятъ о томъ, что хуже—общинное или подворное владѣніе въ настоящемъ ихъ видѣ. Въ одномъ только сошлись всѣ знающіе сельское хозяйство вообще, а хозяйство русскаго крестьянства въ особенности, а именно въ томъ, что хуже всего, страшнѣйшее зло деревни, главный тормазъ для ея сельско хозяйственнаго развитія—не юридическая форма владѣнія надѣльной землей, а внутри-надѣльная чрезполосица. Зло это почти одинаково чувствуется, какъ при общинномъ, такъ и при подворномъ владѣніи и, чѣмъ далѣе, тѣмъ вреднѣе оно становится, вслѣдствіе непремѣннаго дробленія всѣхъ участковъ двора при каждомъ раздѣлѣ его».

Разъ подворное владѣніе не только не спасаетъ отъ чрезполосицы, но даже усиливаетъ ея вредъ, то ясно, что община, какъ юридическая форма владѣнія, здѣсь не при чемъ: виновата не община, а форма поселенія, одинаково присущая и общинному, и подворному землевладѣнію: виновата деревня. Пока существуетъ деревня—чрезполосица возникнетъ неизбѣжно: уничтожить въ зародышѣ возможность чрезполосицы можно, только разселивши крестьянъ по хуторамъ. Если же хуторизація почему либо невозможна или нежелательна—общину не слѣдуетъ трогать, ибо подворная деревня усилитъ отрицательныя стороны чрезполосицы.

Итакъ, центральные доводы противниковъ общины, какъ формы землевладѣнія, не выдерживаютъ критики ни съ фактической стороны, ни со стороны логичности приводимой аргументаціи. Но неправильнымъ намъ кажется и главный аргументъ сторонниковъ общины,—что община препятствуетъ разслоенію крестьянъ. Въ любой общинѣ мы найдемъ безземельныхъ «пролетаріевъ» и многоземельныхъ «капиталистовъ», безлошадныхъ и многолошадныхъ, нанимающихъ батраковъ и идущихъ въ батраки,—словомъ, цѣлую гамму дворовъ различной экономической силы, и массовыя статистическія цифры не даютъ указаній на меньшую разслоенность общинниковъ сравнительно съ подворниками *), или у живыхъ общинъ сравнительно съ мертвыми. Это понятно: передѣлы равняютъ землю по семейному составу дворовъ, а семейный составъ чрезвычайно разнообразенъ,—онъ и служитъ главной основой крестьянской неоднородности, какъ у общинниковъ, такъ и у подворниковъ. Съ другой стороны, вѣдь и въ общинѣ хозяйство индивидуально и идетъ борьба между хозяйствами различной силы, при чемъ слабыя, неустойчивыя хозяйства передаютъ свое право на

*) У подворниковъ, повидимому, только число безземельныхъ и безпосѣвныхъ относительно больше, чѣмъ у общинниковъ: это, вѣроятно, результатъ свободной мобилизаціи земли (напр., въ Полтавской губ.).

землю другимъ. Община важна не съ этой стороны: она важна въ настоящемъ, какъ страховой союзъ для обезпеченія приростающаго населенія землей, она важна для будущаго, какъ зародышевая ячейка грядущаго коллективизма. Какъ она ни плоха сейчасъ, но только въ ней могутъ сохраниться тѣ чувства, тѣ психическія настроенія массъ, которыя облегчатъ переходъ къ земледѣльческой производительной кооперації. Частная собственность на землю убиваетъ эти чувства: и недаромъ, первыя попытки земледѣльческихъ артелей создаются на Западѣ на чужой, арендованной, а не на с в о е й землѣ. Между тѣмъ, чѣмъ дальше идетъ сельскохозяйственный прогрессъ, тѣмъ большаго обобществленія онъ требуетъ отъ мелкихъ трудовыхъ производителей: и мы видимъ, что въ Западной Европѣ число поклонниковъ частной земельной собственности все убываетъ, наростаетъ стремленіе сохранить остатки общественныхъ угодій, и новое аграрное законодательство въ разныхъ странахъ уже дѣлаетъ попытки пойти навстрѣчу грядущему обобществленію земли.

Общій выводъ изъ всего изложеннаго будетъ таковъ: массовые факты до сихъ поръ не доказываютъ, что наша «самобытная» русская община препятствовала сельскохозяйственной эволюціи. Единственнымъ серьезнымъ препятствіемъ для дальнѣйшаго перехода въ интенсивный фазисъ земледѣлія служатъ нѣкоторыя отрицат льныя стороны чрезполосицы, связанной вообще съ деревенской формой поселеній, присущей какъ общинному, такъ и подворному землевладѣнію. Можно, какъ увидимъ дальше, свести до minimum'а вредное вліяніе чрезполосицы, сохранивши деревню, и тогда нѣтъ оправданія уничтоженію общины съ хозяйственно-экономической точки зрѣнія. Но для того, чтобы уничтожить чрезполосицу совсѣмъ, необходимо разселить и подворныя, и общинныя деревни по хуторамъ. И только такой радикальной хуторизаціей можетъ быть, отчасти, оправдано уничтоженіе общины, таящей въ въ себѣ зародыши элементовъ, необходимыхъ для слѣдующей, еще болѣе высокой ступени сельскохозяйственной эволюціи—ступени коллективнаго хозяйства.

Итакъ, если правительство искренно стремится къ облегченію крестьянамъ перехода въ интенсивный базисъ сельскаго хозяйства—уничтожить общину оно можетъ только тогда, когда оно увѣрено въ возможности хуторизаціи всей Россіи. Но кромѣ хозяйственно-экономической, правительство преслѣдуетъ и политическую цѣль—выдѣленіе изъ общины сильныхъ элементовъ деревни. Посмотримъ, на сколько осуществилась эта цѣль въ дѣйствительности до сихъ поръ и на сколько вообще двигается впередъ разрушеніе общины.

За $4^1/_2$ года, до 1 апрѣля 1911 г., всего подано заявленій о выходѣ изъ общины 2.116,6 тыс., что по отношенію къ общему количеству общинниковъ Европейской Россіи (9,2 милліона) соста-

вляетъ 23%. Укрѣпили за собой землю въ частную собственность 1.510,1 тыс. дворовъ съ 10.942 тыс. дес. Таковы огульныя цифры «землеразстройства». Нѣтъ сомнѣнія, онѣ велики: если выдѣлъ изъ общины пойдетъ дальше такимъ же темпомъ, община черезъ 20 лѣтъ должна исчезнуть. Но за послѣднее время подача заявленій начинаетъ сильно ослабѣвать. Въ среднемъ за мѣсяцъ подано заявленій:

До 1 ноября 1907 г.	13,5	тысячъ.
Съ 1 » 1907 г. по 1 ноября 1908 г.	60,6	»
» 1 » 1908 г. » 1 мая 1909 г. .	79,4	»
» 1 мая 1909 г.—1 янв. 1910 г. . . .	43,9	»
» 1 янв.—1 іюля 1910 г.	41,0	»
1 авг. 1910 г.—1 апр. 1911 г. . . .	25,4 *)	»

Ослабленіе это, отчасти, объясняется неточностью офиціальныхъ цифръ, давно отмѣченной въ литературѣ: достаточно указать, что до 1 іюля 1910 г. поданныхъ заявленій числилось 1.959 тыс., а до 1 авг.—1.913 тыс. Офиціозъ «Извѣстій земскаго отдѣла», изъ котораго мы беремъ эти данныя, объясняетъ убыль «выключеніемъ всѣхъ тѣхъ домохозяевъ, заявленія коихъ не получили дальнѣйшаго движенія». Но подобную убыль можно констатировать, если не въ общихъ итогахъ, то по отдѣльнымъ губерніямъ, не только въ числѣ заявленій о выдѣлѣ, но и въ числѣ окончательно укрѣпившихся и даже въ числѣ выдѣлившихся къ одному мѣсту. Отсюда ясно, что офиціальная статистика до сихъ поръ еще не наладилась. Хорошо хоть, что офиціозы не пытаются прятать этихъ ошибокъ.

Однако, какъ бы ни была плоха офиціальная статистика, другихъ источниковъ нѣтъ, приходится строить на ней свои выводы. Отбросивъ извѣстный процентъ на ошибки, т. е., вѣроятно, на стремленіе мѣстныхъ администраторовъ отличиться, бывшее, на первыхъ порахъ, особенно интенсивнымъ, мы все-таки должны констатировать рѣзкое паденіе числа заявленій, начавшееся со второй половины 1909 г. **). Случайная ли это заминка, или она зависитъ отъ какихъ-либо серьезныхъ причинъ,—вопросъ на столько жгучій, что на немъ стоитъ остановиться, несмотря на то, что офиціальные источники въ данномъ случаѣ глухи и нѣмы, и подойти къ его рѣшенію можно лишь косвенными путями.

Единственныя манипуляціи, которыя допускаютъ офиціальныя

*) Такъ какъ, въ теченіе іюля 1910 г въ офиціальныхъ отчетахъ показана убыль, а не прибыль заявленій о выходѣ, то этотъ мѣсяцъ въ разсчетъ не принятъ.

**) А. В. Пѣшехоновъ констатировалъ въ «Русск. Вѣд.» паденіе числа укрѣпленій, хотя и не такое сильное. Укрѣпленія слѣдуютъ за заявленіями и паденіе числа заявленій должно отразиться на укрѣпленіяхъ позже и не такъ интенсивно.

цифры, это—группировка губерній по областямъ. Чтобы не загромождать выкладками журнальной статьи, мы разбили всѣ 41 губерніи выдѣла на 5 областей: 1) южную и юго-восточную окраины—Новороссію и низовое Поволжье (со Ставропольской губ.), 2) земледѣльческій центръ со среднимъ Поволжьемъ, 3) два подстоличныхъ промышленныхъ района—пріозерный и московскій, 4) юго-западъ и западъ (4 губ. Малороссіи и 2 Бѣлоруссіи) и 5) сѣверъ и сѣверо-востокъ. Три русскія области представляютъ, въ общемъ, послѣдовательныя стадіи сельско-хозяйственной эволюціи; южныя и юго-восточныя окраины только что пережили періодъ переложнаго земледѣлія и здѣсь еще не вполнѣ установилось урегулированное трехполье; земледѣльческій центръ переживаетъ кризисъ экстенсивнаго трехполья, дошедшаго до своего конца; этотъ кризисъ былъ пережитъ промышленными центрами значительно раньше и сейчасъ здѣсь развивается переходъ къ улучшеннымъ системамъ полеводства. Четвертая русская область, сѣверъ, не входитъ въ эту схему по климатическимъ условіямъ. Что же касается пятой—запада, то исторія общины въ этой области, пережившей владычество польскаго феодализма, слишкомъ своеобразна: община здѣсь введена была сверху, въ 40-хъ гг. XIX в. и до сихъ поръ не успѣла окрѣпнуть. Распредѣленіе заявленій о выдѣлѣ по 5 очерченнымъ областямъ, въ разные періоды времени, рисуетъ поступательный ходъ разрушенія общины *вглубь* страны.

Первыми бросились на выдѣлъ крестьяне самыхъ экстенсивныхъ юго-восточныхъ окраинъ: до 1908 г. отсюда поступила почти половина всѣхъ заявленій о выдѣлѣ; въ слѣдующій періодъ, до половины 1909 г., на первое мѣсто выступилъ уже земледѣльческій центръ (40% заявленій), а за послѣднее время это первенство начинаетъ оспаривать центръ промышленный.

За 4 года движеніе къ выдѣлу широкой волной разлилось по всей общинной Россіи, и теперь немного уже найдется мѣстностей, гдѣ бы не наблюдалось попытокъ, хотя бы у нѣсколькихъ крестьянъ, развязаться съ общиной. Казалось бы, что абсолютное количество стремящихся къ выдѣлу, захватывая все новыя области, должно было увеличиться; а между тѣмъ, какъ мы сейчасъ видѣли, число заявленій обнаружило рѣзкое паденіе. Очевидно, волна выдѣла, разливаясь вширь, теряла высоту своего подъема. Это доказывается второй нашей табличкой, на которую просимъ читателя обратить усиленное вниманіе.

На 1000 общинниковъ въ каждой области ежемѣсячно, въ среднемъ, подавали заявленія о выдѣлѣ:

	юг и юго-востокъ	запад.	земледѣльч. центръ.	промышл. центръ	сѣверъ и сѣв.-вост	всѣ области.
До 1 ноября 1907 г	5,2	2,8	0,9	0,5	0,4	1,4
1 ноября 1907 г.—1 ноября 1908 г. .	14,6	7,9	7,2	3,7	2,7	6,7
1 ноября 1908 г—1 мая 1909 г. . .	15,6	15,8	9,1	6,6	1,7	8,9
1 мая 1909 г.—1 января 1910 г. . .	7,3	6,1	5,0	4,8	2.1	4,9
1 янв—1 іюля 1910 г.	8,6	5,2	4,6	4,8	1.4	4,7
1 авг. 1910 г.—1 апр. 1911 г. . . .	6,1	2,5	3,1	1,8	1,0	2,8
Всего до 1 апр. 1911 г подали заявленія изъ 1000 общинниковъ: . . .	472,3	320,3	236,9	172,5	77,9	234,9

Во всѣхъ областяхъ стремленіе къ выдѣлу растетъ до 2-ой половины 1909 г. Съ этого времени всюду оно падаетъ, при чемъ, чѣмъ выше былъ подъемъ, тѣмъ круче стало паденіе. Максимальнаго подъема относительный ростъ заявленій достигъ на юго-восточныхъ и юго-западныхъ окраинахъ; послѣ 1 мая 1909 г. волна выдѣла сразу упала здѣсь болѣе чѣмъ вдвое. Тѣмъ не менѣе, и сейчасъ окраинные районы, по относительному числу заявленій, занимаютъ первое мѣсто (47,2 и 32% заявленій). Третья область по выдѣлу—земледѣльческій центръ: волна подъема въ полтора раза слабѣе, но и паденіе ея не такъ уже круто; въ общемъ, заявила о выдѣлѣ четвертая часть общинниковъ. Въ центрѣ промышленномъ и подъемъ, и паденіе волны выдѣла ослабѣваютъ еще въ полтора раза, и число заявленій, пока, достигло только шестой части общинниковъ. Наконецъ, на сѣверѣ мы видимъ очень небольшія колебанія цифръ выдѣла, не имѣющія такой правильности, какъ въ предыдущихъ областяхъ, и итогъ заявившихъ составляетъ 7,8% всѣхъ общинниковъ.

Въ общемъ, картина выдѣловъ, обрисованная этой таблицей, если исключить западъ, гдѣ, какъ мы говорили, исторія общины была совсѣмъ иная, чѣмъ въ остальной Россіи, напоминаетъ поверхность пруда, въ одинъ изъ угловъ котораго бросили большой камень: вокругъ этого мѣста на юго-востокѣ поднялась большая волна, эта волна нѣсколько позже достигла средины пруда, здѣсь ужъ она, естественно, оказалась меньшихъ размѣровъ, и чѣмъ далѣе отъ мѣста паденія камня, тѣмъ волны эти становятся все меньше и почти замираютъ въ противоположномъ углу, на сѣверо-востокѣ.

Камень—законъ 9 ноября, брошенный въ общину изъ Петербурга, брошенный на томъ основаніи, что община препятствуетъ сельско-хозяйственному прогрессу, вызвалъ максимальную волну разрушенія общины, какъ разъ въ противоположномъ углу Россіи—въ многоземельныхъ областяхъ *самаго экстенсивнаго хозяйства*, гдѣ такъ еще недавно царило переложное земледѣліе и захватное право, гдѣ общинныя традиціи не могли сло-

житься въ крѣпкую и стройную организацію просто потому, что территорія этихъ областей заселена болѣе или менѣе плотно только нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ. Очевидно, что наибольшій успѣхъ закона 9 ноября въ самыхъ экстенсивныхъ областяхъ никоимъ образомъ не оправдываетъ намѣреній правительства, предпринявшаго разрушеніе общины съ цѣлью расчистить путь земледѣльческому прогрессу.

Не оправдывается на дѣлѣ одна сторона правительственной программы; не осуществляется и другая—политическая задача—выдѣлъ изъ общины «крѣпкихъ и сильныхъ» элементовъ деревни. Кажется, такъ естественно было ожидать, что первыми бросятся на выдѣлъ «многодушники», сильные дворы, которымъ передѣльный механизмъ общины грозилъ бы, въ дальнѣйшемъ, потерей части надѣла. Въ дѣйствительности, оказалось какъ разъ наоборотъ.

	На 1 выдѣлившійся дворъ приходится дес. (а)	Средній размѣръ общиннаго надѣла (б)	Процентное отношеніе (а) къ (б).
Югъ и юго-востокъ. . .	9,5	13,4	70,9
Юго-западъ—западъ . .	6,6	7,1	93,0
Земледѣл. центръ . . .	5,1	9,0	56,6
Промышл. центръ . . .	7,5	9,0	83,3
Сѣверъ и с.-вост. . .	14,0	20,2	69,3
Всѣ области	7.2	11,1	64,9

Ни въ одной области размѣръ выдѣленныхъ участковъ не достигаетъ средняго размѣра общиннаго надѣла: по всей Россіи онъ составляетъ только $^2/_3$ этого послѣдняго. Выше всего онъ на западѣ, а менѣе всего—въ земледѣльческомъ центрѣ. И чѣмъ дальше идетъ дѣло, чѣмъ шире распространяется вліяніе закона 9-го ноября, тѣмъ малоземельнѣе становятся выдѣляющіеся дворы:

	Средній размѣръ выдѣленныхъ участ.
До 1 мая 1908 г.	7,81 дес.
1 мая—1 ноября 1898 г.	7,69 »
1 ноября 1908 г.—1 мая 1909 г. . .	7.47 »
1 мая 1909 г.—1 янв. 1910 г.	7,07 »
1 янв.-1 іюля 1910 г.	6,81 »
1 іюля 1910—1 апр. 1911 г.	6,48 »

Въ литературѣ широко распространено мнѣніе, что выдѣлъ изъ общины захватилъ два крайнихъ слоя крестьянства. «Кромѣ многоземельныхъ домохозяевъ, которые поспѣшили пристроить имѣвшіеся у нихъ лишніе надѣлы, видное мѣсто среди первыхъ «укрѣпленцевъ», какъ извѣстно, повсюду занимали разные безхозяйствен-

ные крестьяне, начиная съ устроившихся болѣе или менѣе сносно на сторонѣ и кончая мѣстными «пропойцами» и «забулдыгами». Въ послѣднее же время «во многихъ мѣстностяхъ въ процессъ укрѣпленія оказались вовлеченными средніе слои крестьянства, наиболѣе отрицательно относившіеся все время къ новому порядку владѣнія надѣльной землей» *).

Наши таблички, на сколько могутъ быть доказательными огульныя среднія цифры, не вполнѣ подтверждаютъ это укоренившееся мнѣніе. Если и выдѣляются два крайнихъ слоя, а не одинъ, то, во всякомъ случаѣ, верхній многоземельный слой составляетъ меньшинство, подавляющее же большинство укрѣпленцевъ, при томъ большинство—систематически растущее, рекрутируется изъ малоземельныхъ низшихъ слоевъ. Что же касается до среднихъ крестьянъ, то, надо полагать, что и они, подобно верхнимъ слоямъ, принимаютъ все меньшее участіе въ выдѣлѣ. Средніе слои, конечно, занимаютъ весьма видное мѣсто при разверстаніи цѣлыхъ селъ на хутора и отруба, такъ какъ ихъ вообще въ нашихъ деревняхъ большая половина; они же принимаютъ большое участіе и при выдѣлѣ полосъ къ одному мѣсту: это ясно видно изъ того, что средній размѣръ сведенныхъ къ одному мѣсту участковъ равенъ 10,7 дес.—на половину выше участковъ всѣхъ укрѣпившихся дворовъ. Вообще, средніе слои, повидимому, укрѣпляются, главнымъ образомъ, съ цѣлью землеустройства. Но хозяевъ, стремящихся выйти изъ общины только для того, чтобы свести свои участки на хутора и отруба, далеко не такъ много: къ 1911 г. подало заявленій объ единоличномъ землеустройствѣ 730 тыс. общинниковъ; двѣ трети этихъ заявленій относятся къ цѣлымъ селамъ, которыя, если не ошибаемся, въ общій подсчетъ заявленій о выдѣлѣ не входятъ **). Исключая ихъ, получаемъ, что на 2 милліона заявленій о выдѣлѣ приходится, круглымъ счетомъ, только 260 тыс. заявленій о землеустройствѣ, т. е. только восьмая часть укрѣпляющихся стремится, въ дальнѣйшемъ, къ самостоятельному хозяйству на хуторахъ и отрубахъ. Если же наше предположеніе невѣрно и заявленія цѣлыхъ селъ въ общій подсчетъ включены,—то и въ такомъ случаѣ тяготѣніе къ новому типу хозяйства охватываетъ лишь одну треть всѣхъ, разстающихся съ общиной.

Остальныя $^2/_3$ принадлежатъ почти сплошь къ малоземельнымъ. Они не особенно заботятся о прогрессѣ сельскаго хозяйства и своего въ частности, эти «крѣпкіе и сильные» съ 3—5 десятинами надѣла. Какія же цѣли преслѣдуютъ они, выдѣляясь изъ общины?..

*) См. ст. А. В. Пѣшехонова: „Разрушеніе общины“ въ „Русск. Вѣдомостяхъ“ № 4.

**) На это, по крайней мѣрѣ, есть указаніе въ рѣчи П. А. Столыпина, сказанной на засѣданіи Государственнаго Совѣта 15 марта 1910 г.

Въ 1909 г., состоящій при московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства Комитетъ о ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ предпринялъ анкету, въ программу которой, между прочимъ, входило и нѣсколько вопросовъ, касающихся выдѣла изъ общины. Анкета вышла неудачной: на нѣсколько тысячъ разосланныхъ бланковъ получено всего около 300, не всегда удовлетворительныхъ, отвѣтовъ. Но, при почти полномъ отсутствіи массоваго матеріала, эта анкета можетъ дать хоть какое-нибудь освѣщеніе интересующаго насъ вопроса, и мы приносимъ глубокую благодарность хозяевамъ этихъ матеріаловъ за разрѣшеніе воспользоваться ими для нашей статьи. Въ анкетѣ, между прочимъ, стоялъ вопросъ: для чего крестьяне выдѣляются изъ общины? Полученные отвѣты, въ сведенномъ видѣ, распредѣляются такъ.

Для продажи.	73	отвѣта.
Чтобы при передѣлѣ земля не отошла къ другимъ.	38	»
Для улучшенія хозяйства	26	»
Лишеніе сыновей права на полученіе земли.	2	»

Отвѣты, въ большинствѣ, давались сельской администраціей и относятся къ 123 общинамъ 30 губ., въ которыхъ были случаи выдѣловъ. Судя по нимъ, большинство и, конечно, малоземельное большинство выдѣляется для продажи своихъ надѣловъ. Правда, по официальнымъ матеріаламъ, изъ 1350 тыс. укрѣпившихся къ 1 марта 1910 г. продало свою землю всего 129 тыс. дворовъ—менѣе 10%. Однако, другіе, тоже официозные, источники утверждаютъ, что продажа надѣловъ распространена гораздо сильнѣе. Такъ, въ органѣ харьковской землеустроительной коммиссіи «Землеустройство и землепользованіе» мы читаемъ: «Укрѣпляютъ, чтобы выгоднѣе продать: укрѣпленные надѣлы дороже цѣнятся, подъ нихъ даются большія ссуды. Количество продажъ укрѣпленныхъ надѣловъ очень велико: нѣтъ возможности дать точную ихъ цифру; она не можетъ быть добыта изъ волостныхъ канцелярій въ видѣ надежнаго матеріала; для личныхъ же изслѣдованій нѣтъ времени» *). Авторъ связываетъ продажу укрѣпленной земли съ переселеніемъ. Связь эту констатируютъ и матеріалы анкеты.

Другой представитель официозныхъ сферъ сообщаетъ: «Въ Ставропольской губерніи развита скупка надѣловъ Очень часто укрѣпившіе землю крестьяне продаютъ, пропиваютъ, или переселяются въ Сибирь... Можно считать доказаннымъ, что въ такихъ случаяхъ укрѣпленія, когда предполагается сверстываніе укрѣпленныхъ полосъ къ однимъ мѣстамъ, скупка надѣловъ въ однѣ руки

*) См № 29 журнала 1910 г., статья „Землеустроительныя работы въ Валковскомъ у. Харьковской губ “.

происходитъ значительно слабѣе, а послѣ отвода участковъ въ натурѣ и вовсе прекращается» *). Но мы видѣли, что сверстывать полосы къ однимъ мѣстамъ собирается незначительное меньшинство укрѣпленцевъ, а въ дѣйствительности сверстала надѣлы пока ничтожная часть.

Опираясь на признаніе офиціальныхъ лицъ, мы можемъ утверждать, что указанная сейчасъ цифра продажъ весьма сильно преуменьшена; но и казенные отчеты констатируютъ быстрое ихъ увеличеніе: къ 1 авг. 1908 г. было продано 18,4 тыс. надѣльныхъ участковъ, а за послѣдніе полтора года—111 тыс., вшестеро болѣе. И a priori необходимо предположить, что большинство малоземельныхъ выдѣляются изъ общины съ цѣлью продажи: на 3—5 десятинахъ хуторского хозяйства завести нельзя при современномъ уровнѣ крестьянскаго земледѣлія.

Собирающіеся продать и продающіе укрѣпленные надѣлы крестьяне дѣлятся на три категоріи: 1) На городскихъ жителей, ремесленниковъ, рабочихъ и проч., давно отставшихъ отъ земли и пользующихся удобнымъ случаемъ для болѣе или менѣе выгодной ликвидаціи своего надѣльнаго права. 2) На упалыя хозяйства физически неспособныхъ лицъ—вдовъ, бобылей, сиротъ. Такихъ хозяйствъ, безъ работниковъ мужескаго пола, въ деревнѣ довольно много—болѣе 8%, по даннымъ 138 у.у. (земско-статистическіе матеріалы). Они и въ общинѣ не вели, по большей части, своего хозяйства, а сдавали землю въ аренду. Такъ какъ общество, при передѣлѣ, можетъ отнять у нихъ землю даромъ, то имъ выгоднѣе продать ее до передѣловъ. 3) На переселенцевъ, въ широкомъ смыслѣ этого слова. Обыкновенно, подъ этимъ терминомъ имѣютъ въ виду только переселяющихся въ Сибирь. Но мы не разъ указывали въ нашихъ работахъ, что, на ряду съ передвиженіемъ изъ Европы въ Азію, существуетъ, вѣроятно, еще болѣе интенсивное передвиженіе крестьянъ внутри Европейской Россіи, тоже съ запада на востокъ и съ сѣвера на югъ. Изъ подворныхъ губерній запада народныя массы передвигаются въ земледѣльческій центръ или въ Поволжье, изъ земледѣльческаго центра сначала въ Новороссію, потомъ на Сѣверный Кавказъ. Подворники, напр., Полтавской и Кіевской губ., очень часто, пользуясь дороговизной земли на мѣстѣ, продавали свои клочки по 200—300 руб. за десятину, а въ центрѣ Россіи покупали банковскія земли, платя верховъ по 20—30 руб., т. е. имѣя возможность пріобрѣсти 10 дес. вмѣсто одной. Несомнѣнно, теперь, когда право продавать надѣлы пріобрѣли не только подворники, но и общинники, это Drang nach Osten, подталкиваемое разницей цѣнъ на землю, должно было увеличиться въ нѣсколько

*) Ордынскій В. «Очерки современнаго положенія землеустройства въ Европейской Россіи». «Сельское хозяйство и лѣсоводство». 1910 г., май.

разъ *), тѣмъ болѣе, что пріобрѣтать можно не только банковскія, но и надѣльныя земли; и мы увидимъ дальше, что надѣльная земля зачастую стала переходить не только въ руки своихъ, но и иноуѣздныхъ покупщиковъ.

Такое переселеніе можно назвать переселеніемъ большого района; но и переселенцы малаго района—на купленные хутора и отруба, а ихъ правительство стремится расплодить какъ можно больше, должны продавать свои надѣлы.

Вообще «внутреннее» переселеніе крестьянъ, т. е. разселеніе ихъ въ предѣлахъ Европейской Россіи, значительное до закона 9-го ноября, послѣ него должно разростись до обширныхъ размѣровъ и развить продажу надѣловъ.

Переселеніе въ Азіатскую Россію, какъ констатируется самыми разнообразными источниками, связано съ выдѣломъ и продажей надѣловъ тѣснѣйшими узами. Это видно изъ распредѣленія переселенцевъ этого рода и выдѣлившихся изъ общины по разнымъ областямъ.

	Выдѣлившихся дворовъ (по 1 окт. 1910 г.).	Переселенцевъ обоего пола) 1907—1910 гг. **)	На 100 выдѣлившихся дворовъ приходится душъ переселенцевъ.
	(въ тысячахъ)		
Югъ и юго-востокъ [*])	389	354	91
Земледѣльческій центръ. . . .	550	544	99
Промышленный центръ . .	228	81	36
Сѣверъ и сѣверо-востокъ . .	55	62	114

Кромѣ промышленнаго центра, въ остальныхъ областяхъ числа выдѣлившихся дворовъ и переселившихся душъ почти совпадаютъ; въ промышленномъ центрѣ, гдѣ переселеніе въ Азію, естественно, развито слабо, взамѣнъ переселенцевъ, вѣроятно, горожане продаютъ надѣлы въ усиленномъ масштабѣ.

До закона 9-го ноября переселенцы продавали свои земли гораздо рѣже: теперь, судя по даннымъ Харьковской, Черниговской и Полтавской губ., подавляющее большинство ликвидируетъ свои надѣлы. Въ Харьковской губ. за 1904—6 гг. только 3,8% переселенцевъ продали, а 4,6% сдали въ аренду; въ 1907—8 гг.

*) Въ Калужской и Тульской губ. образовались даже „переселенческія конторы", скупающія у помѣщиковъ земли и перепродающія ихъ выходцамъ изъ Малороссіи.

**) Переселенцы взяты по тѣмъ губерніямъ, по которымъ есть свѣдѣнія о выдѣлѣ. Западъ исключенъ изъ сопоставленія, такъ какъ нѣтъ дѣленія переселенцевъ на подворниковъ и общинниковъ. За 1910 г. по 9 губ нѣтъ свѣдѣній за 2-ое полугодіе, но переселеніе изъ этихъ губерній ничтожно и повлять на точность выводовъ не могло.

процентъ ликвидировавшихъ такимъ образомъ поднялся до 35, 4% и 32,6%—всего 68% переселившихся дворовъ (Сдача въ аренду, если переселеніе удачно, часто предшествуетъ продажѣ). Въ Черниговской губерніи въ 1906 г. продали надѣлы 51, 1% переселенцевъ, а въ 1907—8 гг. уже 74,7%. Въ Полтавской губ. изъ 1137 переселившихся въ 1909 г. дворовъ не продало землю всего 6 человѣкъ.

Связь укрѣпленій съ переселеніемъ особенно ярко подтверждается приведенными выше хронологическими сопоставленіями обоихъ явленій. Со второй половины 1909 г. переселеніе упало; съ этого же момента быстро падаетъ стремленіе къ выдѣлу изъ общины. Такъ какъ переселеніе сократилось, отчасти, благодаря урожаю, то возникаетъ гипотеза, что урожай повліялъ и на сокращеніе выдѣла. Эта гипотеза подкрѣпляется еще тѣмъ соображеніемъ, что «укрѣпленцы», равно какъ и переселенцы—въ большинствѣ малоземельные, маломощные крестьяне, неустойчивое хозяйство которыхъ легче всего разрушается подъ ударами неурожаевъ и голодовокъ. Однако, и на паденіе переселенческаго движенія, кромѣ временнаго вліянія—подъема урожайности, воздѣйствовалъ и болѣе устойчивый факторъ—сокращеніе запасовъ удобныхъ земель въ ближайшихъ районахъ Западной Сибири. Точно также, и на сокращеніе выдѣла, кромѣ временнаго, долженъ вліять и постоянный факторъ—уменьшеніе тѣхъ слоевъ малоземельныхъ крестьянъ, изъ которыхъ рекрутируется главный контингентъ укрѣпленцевъ. Быть можетъ, теперь законъ 14 іюня 1910, открывшій широкій просторъ для коренного уничтоженія всѣхъ безпередѣльныхъ общинъ, подольетъ масла въ потухающій пламень «землеразстройства», но есть основаніе думать, что и до закона 14 іюня разрушались, преимущественно, мертвыя и полумертвыя общины; запасъ ихъ къ настоящему моменту сильно поубавился, и пламень, пожирающій общину, разгорится не такъ ярко, какъ можно было бы ожидать отъ новаго закона...

Если выдѣляются не сильные, а слабые элементы деревни, если они, въ значительномъ числѣ, стремятся только продать свои участки, то, быть можетъ, продаютъ ихъ они «сильнымъ» хозяевамъ, и хоть не прямо, но косвенно этимъ самымъ достигается основная цѣль правительства—созданіе крѣпкаго класса консервативныхъ хозяйственныхъ мужичковъ?..

Офиціальныя данныя говорятъ, что 129 тыс. дворовъ продали свои надѣлы 112 тыс. покупателей. Мы не знаемъ экономическаго положенія этихъ покупателей: можетъ быть, это малоземельные, можетъ быть, и кулаки-скупщики. Точныхъ данныхъ о распредѣленіи покупателей по экономическимъ слоямъ мы почти не имѣемъ, за исключеніемъ опубликованныхъ въ недавно появившихся земскихъ изданіяхъ по Полтавской и Черниговской губ.

	Черниговская губ.		Полтавская губ.	
	% распред. покупателей.	% распред. купленной земли.	% распред. покупателей.	% распред. купленной земли.
Беззем. . . .	11,0	9,4	Беззем.	10,1	6,7
До 5 дес. . . .	48,6	37,8	До 3 дес . . .	29,0	18.5
5—10 дес. . . .	25,5	31,6	3—9 дес. . . .	38.5	40,4
10—15 дес. . .	7,3	10,8	9—15 дес. . . .	11,3	34,4
Св. 15 дес. . .	7,6	10,4	Св. 15 дес. .	11,1	

Большинство покупателей и почти половина купленной земли приходятся на долю безземельныхъ и малоземельныхъ. Свѣдѣнія изъ другихъ источниковъ, впрочемъ, отрывочнаго характера, рисуютъ діаметрально противоположную картину. Беремъ опять офиціозный журналъ: «Землеустройство и землепользованіе». Членъ землеустроительной коммиссіи пишетъ: «При послѣднемъ объѣздѣ Бахмутскаго уѣзда мною замѣчено очень печальное и нежелательное явленіе, а именно: надѣльныя земли крестьянъ начинаютъ переходить въ руки не только своихъ односельцевъ—мужиковъ-кулаковъ, покупающихъ землю за наличныя деньги, но и въ руки постороннихъ лицъ». Въ одномъ мѣстѣ землю приторговали греки изъ Маріупольскаго уѣзда, въ другомъ нѣмцы—по 230 руб. за десятину наличными деньгами. «На мой вопросъ, зачѣмъ крестьяне допускаютъ до того, что ихъ надѣльную землю начинаютъ скупать греки, одинъ изъ крестьянъ возразилъ самымъ серьезнымъ образомъ, что греки покупаютъ землю не для себя, а для нихъ—алексѣевцевъ, такъ какъ греки сами эти земли обрабатывать не будутъ, а будутъ сдавать имъ въ аренду по 15 и 20 рублей. Выходитъ, что за 10 лѣтъ алексѣевцы заплатятъ аренды 200 рублей, и земля будетъ все-таки чужая».

Подобныхъ фактовъ можно найти очень много въ текущей литературѣ *), но и этотъ достаточно характеренъ. Обращаемъ вниманіе читателей на подчеркнутыя нами слова: скупщики-кулаки покупаютъ землю за наличныя деньги, чтобы сдавать ее въ аренду. У скупщиковъ есть наличныя деньги, а у ихъ конкурентовъ—малоземельныхъ и средне-земельныхъ, которые, быть можетъ, и рады бы дать дороже, деньги водятся очень рѣдко. Между тѣмъ, переселенцу, горожанину, обѣднѣвшему хозяину деньги нужны сейчасъ же: покупатель, способный выложить ихъ на столъ передъ продавцемъ, естественно, останется побѣдителемъ. Купивши землю, кулакъ сдаетъ ее въ аренду, а потому сверстывать полосы къ одному мѣсту ему прямо невыгодно: вѣдь гораздо легче эксплуатировать крестьянъ, если полосы будутъ разбросаны по всему полю. Можно сдать по сосѣдству большему количеству крестьянъ,

*) См, напр., брошюру Дроздова «Около земли»

взять подороже за близость участковъ, можно понадѣлать преградъ для пастьбы и прогона скота и заставить оплачивать ихъ устраненіе, какъ дѣлаютъ это помѣщики, такъ неохотно разстающіеся со своей чрезполосицей. Вообще, чрезполосица съ крестьянскими землями для ловкаго человѣка—золотое дно.

56 статья закона 14 іюня, которая запрещаетъ скупать въ однѣ руки болѣе 6 душевыхъ надѣловъ,—слабое орудіе противъ спекулятивной скупки земель. Гораздо болѣе дѣйствительной мѣрой борьбы была бы выдача ссудъ для покупки надѣловъ малообезпеченнымъ слоямъ крестьянъ или сельскимъ обществамъ. Съ 1907 г. функціонируетъ операція ссудъ подъ залогъ надѣльныхъ земель; по 1910 г. выдано всего 3.558 тыс. рублей—въ томъ числѣ 1.950 тыс.—для уплаты за надѣлы, купленные у переселенцевъ. Считая даже по 75 руб. за десятину (надѣльныя земли продаются вдвое дешевле среднихъ цѣнъ даннаго района), получаемъ, что за эту ссуду можно было бы купить 26 тыс. десятинъ, тогда какъ даже по офиціальнымъ даннымъ, только къ началу 1910 г. продано 640 тыс. десятинъ, въ дѣйствительности же, вѣроятно, много больше. Ясно, какъ микроскопична эта ссудная операція. Правительство, не безъ основанія, боится ея расширенія; но, если бы оно не стремилось къ разрушенію общины, оно могло бы расширить безъ боязни ссуды подъ коллективный залогъ общинныхъ земель; и эту идею уже предлагаетъ авторъ цитированной сейчасъ статьи. Но такая операція усилила бы роль общины, и для правительства она будетъ неподходящей. Безъ нея же проданные надѣлы очень часто попадутъ въ руки класса соціальныхъ паразитовъ, класса, вреднаго не только для народа, но и для государственной казны...

Вотъ, стало быть, что пока даютъ первые итоги «землеразстройства»: они даютъ результаты въ значительной долѣ противоположные цѣлямъ правительственной аграрной программы. Правительство стремится разрушить общину, чтобы расчистить дорогу сельско-хозяйственному прогрессу: но разрушается община, главнымъ образомъ, въ районахъ отсталыхъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. Правительство разсчитываетъ, что на выдѣлъ бросятся «крѣпкіе и сильные» мужики, съ прямой цѣлью вести самостоятельное хозяйство на новыхъ началахъ: тѣ же казенные матеріалы убѣдительно доказываютъ, что огромная масса выдѣлившихся—малоземельные бѣдняки, стремящіеся развязаться съ надѣломъ, а скупаютъ у нихъ землю или малоземельные, если они раздобудутъ деньжонокъ, или, вѣроятно, чаще, скупщики-кулаки, паразитарный слой, невыгодный для государства и народа.

Итакъ, «землеразстройство» ни прямо, ни косвенно, не способствуетъ созданію класса хозяйственно-прогрессивныхъ и сильныхъ экономически крестьянъ—будущаго оплота существующаго строя.

Посмотримъ, создается ли этотъ классъ вторымъ актомъ правительственной политики.

IV.

Землеустройство

Съ каждымъ годомъ становится все яснѣе, что сельское хозяйство Россіи начинаетъ вступать въ фазисъ интенсивнаго земледѣлія. По направленію съ запада на востокъ и съ сѣвера на югъ, вмѣстѣ съ переливающимся потокомъ земледѣльцевъ, все шире распространяются улучшенные сѣвообороты, удобреніе, усовершенствованныя орудія и болѣе тщательные пріемы обработки. Неизбѣжность перехода на слѣдующую ступень сельско-хозяйственной эволюціи становится ясной не только обществу, но и самимъ крестьянамъ, и пробудившемуся сознанію народа какъ будто идетъ навстрѣчу правительство, выставившее лозунгомъ своей реформы «замѣну стихійной власти земли надъ крестьяниномъ разумной властью крестьянина надъ своей землей». Чтобы реорганизація крестьянскаго хозяйства на началахъ интенсивнаго земледѣлія совершалась возможно быстрѣе, планомѣрнѣе, продуктивнѣе для невѣжественныхъ обнищалыхъ массъ, необходима дружная помощь со стороны правительственныхъ, земскихъ и общественныхъ силъ. Эта помощь во всемъ свѣтѣ и у насъ конкретно выражается въ трехъ формахъ: въ формѣ агрономическаго содѣйствія и руководства культурными начинаніями; въ формѣ экономической поддержки—организаціей кредита и кооперацій всякаго рода и въ формѣ землеустройства въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. въ измѣненіи конфигураціи площади отдѣльныхъ хозяйствъ, примѣнительно къ новымъ системамъ земледѣлія. Центромъ тяжести своей агрикультурной дѣятельности правительство избрало землеустройство, предоставивъ агрономическую помощь (если не считать хуторянъ) земствамъ, насажденіе кооперацій—общественнымъ элементамъ (кромѣ кредита), по скольку они смогутъ и сумѣютъ создать таковыя въ рамкахъ полицейскаго строя. За то «землемѣріемъ» правительство занялось вплотную само, мотивируя это тѣмъ, что безъ правительственнаго землеустройства, какъ безъ фундамента, нельзя построить зданія раціональнаго хозяйства.

Выше мы указывали, что общинная и подворная деревни въ землеустроительномъ отношеніи страдаютъ однимъ общимъ недостаткомъ, присущимъ вообще деревенской формѣ поселеній—именно, черезполосицей. Но не всякая черезполосица одинаково вредна и подлежитъ обязательному уничтоженію. Г. Бруцкусъ, въ своей талантливой брошюрѣ: «Землеустройство и разселеніе за границей и въ Россіи» сводитъ всѣ указанія на вредъ черезполосицы и деревенской формы поселеній къ четыремъ главнымъ: 1) принудитель-

ный сѣвооборотъ; 2) экстенсивно эксплуатируемыя земли общаго пользованія; 3) узко-и мелкополосица, 4) длинноземелье.

1) Принудительный сѣвооборотъ зависитъ, во 1-ыхъ, отъ отсутствія проѣзда къ каждой полосѣ, во 2-хъ—отъ пастьбы скота по парамъ и жнивамъ. Черезполосица, загораживающая свободный проѣздъ ко всѣмъ полосамъ, встрѣчается чаще въ подворныхъ, чѣмъ въ общинныхъ деревняхъ *). Справиться съ ней можно и безъ сверстыванія полосъ къ одному, при помощи ихъ правильной нарѣзки съ обязательнымъ выходомъ на дорогу. Гоньба скота по парамъ и жнивамъ связана не столько съ черезполосицей, сколько съ трехпольнымъ сѣвооборотомъ и недостаткомъ особыхъ выгоновъ и сѣнокосовъ. Введя въ посѣвъ кормовыя травы, увеличивъ продуктивность луговъ и пастбищъ, улучшивъ кормленіе скота отбросами корнеплодовъ, наконецъ, переведя его на стойловое содержаніе, можно и при черезполосицѣ покончить съ принудительнымъ сѣвооборотомъ.

2) Общія экстенсивныя пользованія, главнымъ образомъ, выгоны, если они пригодны подъ посѣвъ, и сейчасъ уже распахиваются очень сильно. Переходъ къ улучшеннымъ системамъ съ травосѣяніемъ позволяетъ обратить ихъ цѣликомъ въ болѣе культурныя угодья.

3) Узкополосица очень вредна: она создаетъ невозможность поперечной обработки, засореніе травами межниковъ, потерю земли подъ этими послѣдними (въ Ярославской губ. 7.000 дес., въ Судженскомъ у. при 840 полосахъ—109 дес.), перебрасываніе сѣмянъ при сѣвѣ на чужія полосы, потерю удобренія и влаги, и пр. Но узкополосица вовсе не обязательно связана съ деревней и черезполосицей вообще. Переверстывать на широкія полосы начали ярославскіе крестьяне еще въ 1890-хъ гг. (извѣстная ярославская полевая сотня), а теперь это движеніе разростается вполнѣ самостоятельно въ Петербургской и Московской губ. и современная земельная разруха, несомнѣнно, дастъ ему сильный толчекъ. Землеустроительная дѣятельность въ Западной Европѣ въ послѣднее время все чаще и чаще сводится только къ такому частичному складыванію полосъ, уничтожающему безъ рѣзкихъ хозяйственныхъ переворотовъ почти всю вредоносность черезполосицы.

Такимъ образомъ, деревенская форма поселеній, а въ особенности община, не служатъ помѣхой къ устраненію трехъ перечисленныхъ отрицательныхъ сторонъ черезполосицы.

4) Только длинноземелье, дѣйствительно, является результатомъ деревенскихъ, при томъ крупныхъ, поселеній. По Соковнину, въ Курской губ. у 46 % общинъ дальній конецъ поля отстоитъ болѣе 3

*) Даже правительственные органы признаютъ, что общинные распорядки позволяютъ «уменьшать періодически внутринадѣльную чрезполосность». (Изв. земск. отдѣла 1908 г., № 1, Объяснит. записка къ проекту землеустройства).

верстъ отъ усадьбы, у 27 %—болѣе 5 верстъ и у 332 общинъ—болѣе 10 верстъ. Въ Ряжскомъ уѣздѣ Рязанской губ. болѣе половины крестьянскаго населенія имѣютъ надѣлы дальше 6 верстъ; въ Каневскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи поля бываютъ удалены на 6—10 верстъ отъ усадьбы, въ Смоленской губ. надѣлы растягиваются на 10—15 верстъ; и это въ земледѣльческомъ и промышленномъ центрахъ, на юго-восточныхъ окраинахъ села въ нѣсколько тысячъ дворовъ встрѣчаются сплошь и рядомъ, и до дальняго конца поля въ такихъ селахъ разстояніе доходитъ до 30—40 верстъ. Длинноземелье усилено у насъ неправильнымъ размежеваніемъ крестьянъ: очень часто усадьбы находятся не въ серединѣ, а на краю надѣльной земли—надѣлъ тянется «холстомъ», какъ говорятъ крестьяне. Представимъ себѣ площадь надѣловъ въ 25 кв. верстъ, шириной въ 1 версту, при чемъ усадьба стоитъ въ углу этой площади: до дальняго конца поля будетъ отъ села 25 верстъ. Превративши этотъ длинный прямоугольникъ въ квадратъ, поставивъ усадьбы посрединѣ, мы тѣмъ самымъ сократимъ разстояніе ровно въ десять разъ.

Длинноземелье усиливаетъ черезполосность: такъ какъ крестьяне разбиваютъ надѣлы на полосы по двумъ главнымъ признакамъ—по качеству почвы и по отдаленности отъ усадьбы. Ясное дѣло, что если бы разстояніе не было велико, черезполосица убавилась бы, въ иныхъ случаяхъ, наполовину. Дальность полосъ составляетъ главное препятствіе для интенсификаціи земледѣлія. Въ своихъ трудахъ по аграрному вопросу мы не разъ указывали, что черезъ всю сельско-хозяйственную исторію красной нитью проходитъ тенденція территоріальнаго дробленія хозяйствъ, возникающая, въ значительной мѣрѣ, благодаря необходимости сокращать при интенсификаціи размѣры культивируемой площади. Киргизъ-кочевникъ, переходя отъ чисто кочевого къ смѣшанному пастушеско-земледѣльческому хозяйству, сжимаетъ тысячеверстные кочевые пути до десятковъ верстъ. Земледѣлецъ, переходя отъ перелога на трехполье, перестаетъ строить лѣтніе хутора-заимки за десятки верстъ отъ постояннаго жилья. При современномъ трехпольѣ у насъ участки, лежащіе ближе къ деревнѣ, всегда заняты болѣе высокими, трудоемкими культурами, лучше обработаны и удобрены; на дальнихъ поляхъ сохраняются отжившіе пріемы, сѣются болѣе грубые, сѣрые хлѣба. Наконецъ, переходъ на плодосмѣнъ не позволяетъ удалять поля болѣе, чѣмъ на версту отъ усадьбы, иначе издержки на перевозку тяжестей (удобренія, урожаевъ), повышающіяся въ нѣсколько разъ, уже не покрываются валовымъ доходомъ. Мы собираемся подняться на слѣдующую ступень сельско хозяйственной эволюціи, — для этого безусловно необходимо придвинуть землю ближе къ крестьянину въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она слишкомъ удалена.

Приближеніе земли къ крестьянину возможно только путемъ

разселенія большихъ деревень. Разселеніе бываетъ единоличное и групповое. Единственный видъ единоличнаго разселенія—хутора. Правительственные отчеты постоянно смѣшиваютъ хутора съ отрубами, но, какъ увидимъ дальше, отрубная система, несомнѣнно, представляетъ изъ себя разновидность группового разселенія. Хуторизація является самымъ радикальнымъ средствомъ для уничтоженія не только вредной, но и всякой черезполосицы. Съ технической точки зрѣнія, хутора тамъ, гдѣ они возможны, представляютъ почти идеальное совершенство. Мы говоримъ «почти», потому что и въ техническомъ смыслѣ хутора имѣютъ свои маленькія неудобства, напримѣръ, затрудненія при использованіи на мелкихъ хуторахъ крупныхъ машинъ: паровыхъ плуговъ и молотилокъ, которыя приходится таскать съ хутора на хуторъ. Все-таки хутора, въ смыслѣ приближенія земли къ крестьянамъ, являются наиболѣе идеальной формой землеустройства: но, какъ и всякій идеалъ, ихъ устройство возможно далеко не вездѣ и не всегда.

Формы разселенія зависятъ отъ цѣлаго ряда различныхъ причинъ, въ томъ числѣ историческаго характера (какъ бывшая нѣкогда грозной опасность вражескихъ нашествій, остатки родового быта, или исторически сложившіяся привычки различныхъ національностей и расъ), но такого рода причины надо считать временными и измѣнчивыми. Болѣе постоянны физико-географическія условія, опредѣляющія и формы, и размѣры поселеній; въ числѣ этихъ условій надо считать наиболѣе важными: 1) количество почвенныхъ водъ, 2) расположеніе естественныхъ угодій—земли, удобной для пашни, луговъ, выгоновъ, лѣса и пр Общеизвѣстно, что у насъ величина деревенскихъ поселеній растетъ съ сѣвера на югъ и юго востокъ. Огромная разница между размѣрами поселеній въ черноземной и нечерноземной полосѣ (Европейской Россіи) характеризуется такой табличкой:

Группы селеній по размѣрамъ:	Изъ 100 селеній находится въ полосѣ	
	не черноземной	черноземной
до 10 душъ об. п.	63,0	37,0
10—100 » » »	78,5	21,5
100—500 » » »	67,9	32,1
500—5 тыс. » » »	23,3	76,7

Въ черноземной полосѣ большинство сельчанъ тѣснится въ селахъ, имѣющихъ болѣе 500 душъ, и главная причина этой разницы въ величинѣ селеній черноземной и нечерноземной полосы лежитъ въ природныхъ условіяхъ обѣихъ полосъ. Эти условія отражаются и на крестьянскихъ, и на владѣльческихъ земляхъ. Если вы развернете недавно изданный отчетъ крестьянскаго банка по

покупкѣ и продажѣ земель за 1906—10 гг. и всмотритесь въ приложенные образцовые планы имѣній, разверстанныхъ на хутора и отруба, то вы сразу увидите, какая огромная разница въ расплапировкѣ естественныхъ угодій и водъ существуетъ у насъ между нечерноземной и черноземной полосой. Въ первой планы такъ и пестрятъ всѣми красками: тутъ оранжевый кусочекъ пашни, рядомъ синее озерко, рѣчка, за ними зеленый лужокъ, а возлѣ него маленькая рощица. Понятно, какъ легко разбить эти участки на хутора и нарѣзать каждому хутору по куску нужнаго угодья. А взгляните на планы черноземной полосы: однотонная оранжевая краска пашни покрываетъ весь планъ; на краю его тоненькая жилка какой-нибудь рѣки, вдоль рѣки—длинная и узкая полоса заливныхъ луговъ, и больше ничего—ни озера, ни рощи. Какъ въ такихъ условіяхъ нарѣзать хутора, когда даже большимъ деревнямъ ихъ надѣлы отмежевывались «холстами», перпендикулярно къ воднымъ артеріямъ, именно потому, что иначе зачастую невозможно было выдѣлить всѣ нужныя угодья и дать доступъ къ водѣ.

Намъ скажутъ: зачѣмъ естественныя угодья, когда ихъ можно замѣнить искусственными, лугъ—сѣянной травой, выгонъ—просто излишенъ при стойловомъ содержаніи, вмѣсто рощицы пусть хуторянинъ насадитъ плодовый садъ. Да, но пока онъ научится сѣять травы, его скотина, безъ кормовъ, успѣетъ передохнуть. Нарѣзка хуторовъ, сама по себѣ, удовлетворяетъ только одному изъ цѣлаго ряда условій, необходимыхъ для перехода къ интенсивному хозяйству: кромѣ приближенія крестьянина къ землѣ, для интенсификаціи нужно накопленіе капиталовъ, культуры и наглядный опытъ удачнаго примѣненія агрономическихъ познаній въ условіяхъ именно этой мѣстности, въ этомъ климатѣ и на такой же почвѣ. Накопленныхъ капиталовъ у массы населенія нѣтъ; знаній, а главное—выясненныхъ результатовъ долгихъ опытовъ нѣтъ не только у крестьянъ, но даже у агрономовъ, только недавно приступившихъ къ нимъ вплотную. Поэтому естественныя (особенно кормовыя) угодья долго будутъ составлять необходимый элементъ хуторского хозяйства, и гдѣ ихъ нѣтъ или они расположены большими, далеко отстоящими другъ отъ друга площадями,—тамъ невозможна нарѣзка хуторовъ въ одномъ кускѣ, и приходится пашню нарѣзать въ одномъ мѣстѣ, выгонъ—въ другомъ, сѣнокосъ—въ третьемъ, т. е. хуторизація теряетъ все свое значеніе.

Но естественныя угодья все же не такъ важны, какъ вода. «Хуторское разселеніе всецѣло зависитъ отъ условій водоснабженія»—говоритъ никто иной, какъ П. А. Столыпинъ: безъ воды хутора абсолютно невозможны, а при маленькихъ колодцахъ, будутъ влачить жалкое существованіе въ болѣе или менѣе засушливыхъ мѣстностяхъ. Чѣмъ интенсивнѣе система земледѣлія, тѣмъ больше потребность въ водѣ, такъ какъ

тѣмъ гуще и выше выростаютъ полевыя культуры, поглощающія почвенную влагу, и никакія знанія, никакой опытъ не могутъ замѣнить воды. Хуторизація, безъ достаточнаго орошенія, возможна въ сухихъ районахъ только на большихъ площадяхъ и при чисто зерновомъ (или выгонномъ), хищническомъ хозяйствѣ, которое черезъ нѣсколько лѣтъ, или, на лучшихъ почвахъ—черезъ нѣсколько десятилѣтій, истощаетъ землю, и приводитъ къ необходимости или переселиться на новыя мѣста, или создать гигантскую систему орошенія.

Итакъ, хуторская форма разселенія требуетъ двухъ непремѣнныхъ техническихъ условій: достаточнаго количества воды и комплекса необходимыхъ естественныхъ угодій. Третье условіе, зависящее уже не отъ природы, а отъ человѣка—д о р о ж н а я с ѣ т ь. На обязанности землеустроительныхъ учрежденій лежитъ такая распланировка дорогъ, которая бы давала доступъ къ каждому хутору и сокращала до возможнаго минимума разстояніе отъ ближайшаго торговаго и культурнаго центра.

Если въ техническомъ отношеніи хуторизація, тамъ, гдѣ она возможна, представляетъ идеальную форму землеустройства, то въ экономическомъ и культурномъ смыслѣ она страдаетъ довольно значительными дефектами, главный изъ которыхъ—изолированность хуторскаго хозяйства и хуторской жизни вообще. Деревенскій житель находится въ постоянномъ общеніи съ людьми; на хуторахъ люди теряютъ и дурныя, и хорошія стороны этого общенія. Возможно, какъ говорятъ офиціозы, что сокращается пьянство, но, въ нашихъ условіяхъ, падаетъ и культурность населенія: уменьшается посѣщеніе не только кабаковъ, но и школъ и церквей. Сберегается трудъ, затрачиваемый при переѣздахъ съ полосы на полосу, но тратится излишнее время на поѣздки для покупки всякой нужной мелочи. Скотъ не гоняется за десять верстъ на пастбище, но нужно отрядить члена семьи въ качествѣ пастуха. Уменьшаются доходы отъ того, что хуторяне не въ курсѣ колебаній цѣнъ и продаютъ «по нуждѣ» скупщикамъ, пріѣхавшимъ къ нимъ, дешевле, чѣмъ на сосѣднемъ базарѣ. Сторонніе заработки падаютъ. Вообще изолированный хуторянинъ безпомощнѣе сельчанина при столкновеніи съ внѣшнимъ міромъ, а между тѣмъ, самый типъ хуторскаго хозяйства, въ связи съ грядущей интенсификаціей, долженъ усилить роль обмѣна въ крестьянскомъ бюджетѣ, т. е. увеличить связь хуторянъ съ внѣшнимъ міромъ. Возрастетъ и сбытъ своихъ продуктовъ и покупка хозяйственныхъ предметовъ: тутъ и скажется потребность въ самыхъ разнообразныхъ кооперативахъ, организація которыхъ такъ же нужна интенсивному хозяйству, какъ и вода.

По этому поводу г. Бруцкусъ замѣчаетъ: «указываютъ, что при хуторскихъ разселеніяхъ... разообщенное населеніе дичаетъ, проникается чрезвычайнымъ индивидуализмомъ, между тѣмъ какъ

сельско-хозяйственный прогрессъ настоятельно требуетъ объединенія сельскаго населенія въ кооперативы; жалуются, что хуторяне хуже посѣщаютъ школу и церковь. Какъ въ настоящее время считается общепризнанымъ, всѣ эти возраженія имѣютъ значеніе лишь въ опредѣленныхъ условіяхъ, но на абсолютное значеніе претендовать не могутъ... Состоятельное сельское населеніе, при культурной помощи государства можетъ преодолѣть всѣ затрудненія, возникающія вслѣдствіе его разобщенія. Мы видимъ, что какъ разъ въ странахъ хуторскихъ разселеній, въ Даніи, Швеціи, Соединенныхъ Штатахъ, въ Канадѣ, крестьянство достигло наивысшаго уровня культуры. Въ частности, датское крестьянство опередило крестьянство всѣхъ другихъ странъ прекрасной организаціей своихъ кооперативныхъ предпріятій. Эти факты вполнѣ достаточны для того, чтобы убѣдить насъ въ томъ, что возраженія культурнаго порядка противъ хуторовъ имѣютъ лишь условный характеръ» *). Условія, сводящія къ нулю указанныя возраженія противъ хуторовъ — состоятельность и культурность крестьянъ и культурная помощь государства; этихъ условій у насъ пока нѣтъ, и прежде, чѣмъ разсаживать крестьянъ по хуторамъ, надо сдѣлать ихъ богатыми и культурными.

Послѣднее условіе для организаціи хуторовъ—наличность достаточнаго количества удобной земли. Всѣ перечисленныя сейчасъ страны хуторскаго разселенія—страны многоземельныхъ крестьянъ. На трехъ десятинахъ, исключая высококультурный типъ хозяйствъ (садъ, огородъ, виноградникъ), хутора завести нельзя: во 1-хъ, потому, что на такомъ клочкѣ не найдется всѣхъ нужныхъ естественныхъ угодій, во 2-хъ,—хуторское хозяйство изолировано, на сторонніе заработки оно не можетъ разсчитывать и всѣ средства для существованія должно добыть отъ земли. Поэтому minimum хуторскаго участка долженъ совпадать съ потребительной нормой, т. е. давать полное обезпеченіе крестьянской семьѣ. Даже г. Кофодъ для удачнаго примѣненія хуторскаго устройства находитъ необходимымъ, «чтобы количество имѣющейся въ распоряженіи земли было достаточно для образованія такихъ хуторовъ, которые при данныхъ условіяхъ могли бы не только кормить нормальнаго состава семью въ теченіе круглаго года, но и давать ей постоянное занятіе, по крайней мѣрѣ, въ теченіе лѣтняго времени» **), т. е. авторъ настаиваетъ не на потребительной, а даже на трудовой нормѣ, и съ нимъ нельзя не согласиться, потому что прогрессирующій хуторянинъ не можетъ довольствоваться такимъ участкомъ, который бы обезпечивалъ ему только пропитаніе, но не давалъ излишковъ, необходимыхъ для дальнѣйшаго расширенія и улучшенія хозяй-

*) Бруцкусъ «Землеустройство и разселеніе», стр. 7

**) Кофодъ Борьба съ черезполосицей въ Россіи и за границей. Изд 2, стр 115.

ства. «Самое серьезное препятствіе распространенію хуторскаго хозяйства, продолжаетъ г. Кофодъ, встрѣтится, несомнѣнно, со стороны малоземелья... Не даромъ во всѣхъ районахъ разселенія въ Россіи говорятъ, что переходъ къ хуторскому хозяйству не помогаетъ малоземельнымъ, не даромъ законодательства скандинавскихъ странъ, поощряя разселеніе, позаботились о предоставленіи возможности малоземельнымъ оставаться въ селеніяхъ». Словомъ, массовое разселеніе на хутора у насъ, какъ и вездѣ, требуетъ «прирѣзки земли», которую съ такимъ негодованіемъ отвергло наше правительство.

Послѣднее условіе — юридическаго характера: согласіе всѣхъ землевладѣльцевъ, интересы которыхъ затрагиваетъ хуторизація. При частной собственности и черезполосицѣ какой-либо совладѣлецъ можетъ запротестовать противъ выдѣла своихъ земель къ одному мѣсту, и это обстоятельство требуетъ очень сложной и тонкой юридической организаціи.

Вотъ 7 главныхъ условій, чтобы хуторизація могла осуществиться, окрѣпнуть и стать полезной для народа и государства: три изъ нихъ техническаго характера—вода, комплексъ естественныхъ угодій, дорожная сѣть; три культурно-экономическаго свойства—состоятельность, культура и многоземелье. Послѣднее условіе—юридическая возможность хуторизаціи. Тамъ, гдѣ этихъ условій на лицо нѣтъ, европейскія правительства избираютъ менѣе радикальныя формы землеустройства. Къ такимъ формамъ принадлежатъ:

1) Измѣненіе фигуры участка и регулированіе дорогъ, при чемъ число полосъ остается неизмѣннымъ. Этотъ видъ землеустройства полезенъ при путаницѣ полосъ, когда онѣ нарѣзаны не прямоугольниками, а кривыми или ломаными линіями, безъ доступа къ дорогамъ. Путаница полосъ чаще бываетъ при частномъ землевладѣніи, и въ Европѣ много усилій посвящено ея исправленію.

2) Неполное складываніе полосъ (коммассація) особенно выгодно въ пересѣченныхъ мѣстахъ и на разнокачественныхъ участкахъ, а также при узкополосицѣ. Складываніе полосъ облегчается групповымъ разселеніемъ, позволяющимъ уничтожить дробленіе полосъ по разстоянію отъ усадьбы.

3) Полное складываніе полосъ—отрубная система, обычно связанная съ групповымъ разселеніемъ. Наши офиціозы, не знаемъ, умышленно, или нѣтъ, соединяютъ въ отчетахъ хутора и отруба. Но отруба это—не хуторъ, а деревня. Правда, эта деревня должна быть сравнительно небольшихъ размѣровъ, но тѣмъ не менѣе она все таки остается; дворы отрубной деревни стоятъ рядомъ и къ усадьбѣ каждаго двора примыкаетъ отрубъ его надѣла. Получается лучеобразное расхожденіе отрубовъ отъ усадьбы, какъ центра, къ периферіи полей. Если позволяютъ природныя условія, въ одинъ отрубъ включаются всѣ угодья; если нѣтъ—нарѣзаются отдѣльно отруба каждаго угодья, при чемъ пастбища, иногда сѣно-

косы, сохраняются въ общемъ пользованіи, вплоть до перехода къ стойловому кормленію. При разнокачественности почвы и пашня нарѣзается въ 2—3 мѣстахъ, или производится качественное уравненіе земель.

Система отрубовъ, сравнительно съ хуторской, во много разъ облегчаетъ задачу межеванія: дорожная сѣть сокращается, гидротехническія задачи упрощаются, исчезаетъ вопросъ объ угодьяхъ. Съ другой стороны, всѣ крупнѣйшіе недостатки черезполосицы сводятся до minimum'a, и въ то же время земля достаточно приближается къ крестьянину, который остается въ обществѣ себѣ подобныхъ. Въ отвѣтахъ на анкету Московскаго Общества сельскаго хозяйства мы нашли такую замѣтку одного, повидимому, интеллигентнаго крестьянина: «лично мнѣ, измученному общественной неурядицей и земельной нуждой (у меня одинъ надѣлъ), во снѣ и на яву снится маленькій поселокъ въ нѣсколько домовъ на отрубной землѣ по 10—12 дес. на семью, гдѣ возможно полное соревнованіе въ хозяйственномъ отношеніи и неотчужденность человѣка отъ человѣка въ дѣлѣ личномъ»...

Таковы главныя формы землеустройства: онѣ разбиваются на двѣ группы—единоличное и групповое, при чемъ къ единоличному мы причисляемъ только хутора, а три вида урегулированія черезполосицы—выпрямленіе полосъ, неполное складываніе и отруба—представляютъ разновидности группового землеустройства, наиболѣе совершенной формой котораго является отрубная система.

Въ слѣдующей статьѣ мы разсмотримъ, какъ, въ зависимости отъ наличности перечисленныхъ условій, видоизмѣняются эти формы въ Америкѣ, Европѣ и Россіи и какой типъ землеустройства практически насаждаетъ наше правительство *).

Н. Огановскій.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

---

*) Послѣ того, какъ настоящая статья была уже набрана, въ оффиціальной литературѣ появились новыя данныя о продажѣ укрѣпленныхъ надѣловъ. По свѣдѣніямъ на 1 января 1911 г. таковые были проданы 245 тысячами домохозяевъ,—всего болѣе 1 милл. дес. За 10 мѣсяцевъ—съ 1 марта 1910 г.—число продавшихъ надѣлы хозяевъ увеличилось на 116 тыс., почти вдвое. Въ то время, какъ выдѣлы сократились, продажа выдѣленныхъ участковъ растетъ въ геометрической прогрессіи. И это—въ урожайные годы. Какую же мобилизацію надѣловъ мы увидимъ въ годы неурожаевъ!..

Первые итоги «великой реформы».

(Окончаніе).

IV.

Землеустройство.

Въ предыдущемъ № мы указали, что для раціональной организаціи хуторского хозяйства необходимы 7 главныхъ условій: вода, разнообразіе естественныхъ угодій, дорожная сѣть, зажиточность и культурность крестьянъ, относительное многоземелье и, наконецъ, отсутствіе юридическихъ препятствій для размежеванія общинныхъ или подворно-чрезполосныхъ и частныхъ владѣній на хуторскіе участки. Въ зависимости отъ наличности или отсутствія этихъ условій, въ Америкѣ и западной Европѣ нашли себѣ примѣненіе различныя формы землеустройства: хутора, отруба и простая коммассація (сверстка полосъ).

Хуторская система, въ самомъ чистомъ видѣ, проведена въ заокеанскихъ странахъ, не имѣвшихъ за плечами тысячелѣтней исторіи землевладѣнія. Въ 1784 г. всѣ незаселенныя земли Соединенныхъ Штатовъ были признаны собственностью государства и, въ теченіе 100 лѣтъ, съ тѣхъ поръ, правительство отвело 750 мил. акровъ въ цѣляхъ колонизаціи. За это время на пріобрѣтеніе земель и землеустройство израсходовано 400 мил. долларовъ *).

Общеизвѣстна система нарѣзки хуторовъ въ центрѣ и на западѣ Соединенныхъ Штатовъ. Площадь каждаго штата дѣлится на квадраты—townschip'ы (городскіе округа) въ 36 кв. миль каждый; townschip дѣлится на 36 секцій, а секція—на 4 homestead'а, хуторскихъ участка по 60 десятинъ (160 акровъ). Прежде, чѣмъ колонизовать незаселенныя территоріи, американцы провели желѣзныя дороги, давшія возможность поселенцамъ сразу развернуть экстенсивную эксплуатацію земель не для собственнаго потребленія, а съ цѣлью продажи продуктовъ. Сложныя машины, только и при-

*) [illegible] Синельниковъ. Работы по землеустройству въ Сѣверной Америкѣ. 1907 г.

мѣнимыя на большихъ площадяхъ, повысили производительность труда, и безъ того высокую, вслѣдствіе естественнаго плодородія почвы. Экстенсивныя системы земледѣлія безъ удобренія и крупныхъ меліорацій могли держаться только до тѣхъ поръ, пока земля не была истощена и пока подъ зерновыя культуры отводились не особенно значительныя части homestead'овъ. За 50 лѣтъ (1850—1900 гг.) площадь подъ фермами утроилась (съ 108,6 мил. дес. до 311, 8 мил. дес.) и, сверхъ того, поднялся процентъ обработанной земли—съ 38,5% въ 1850 г. до 57,4% въ 1890 г. Если бы американцы были менѣе энергичнымъ и культурнымъ народомъ, ихъ земледѣліе пережило бы, въ результатѣ хищнической экстенсивной распашки полей, кризисъ, подобный европейскому и русскому кризису, послѣдовавшему за развитіемъ зернового трехполья. Намеки на такой кризисъ уже появились къ концу XIX в.; но американцы предупреждаютъ его усиленнымъ примѣненіемъ удобренія, улучшенныхъ способовъ обработки, и въ болѣе засушливыхъ районахъ—устройствомъ гигантскихъ системъ оросительныхъ каналовъ. Въ 1889 г. этими каналами орошалось 1,3 милл. дес., въ 1899 г, 2,8 милл., а въ 1902—3,5 милл. дес. и на орошенной площади жило 2 милл. человѣкъ. Въ первое время орошеніе находилось въ рукахъ частныхъ акціонерныхъ компаній, а съ конца 1890-хъ гг. оно начинаетъ переходить къ администраціи штатовъ, и правительственный оросительный фондъ къ 1908 г. достигъ 37 мил. долларовъ. Большинство акціонерныхъ компаній теперь превратилось въ кооперативныя товарищества фермеровъ, обрабатывающихъ орошенныя земли *).

Если прибавить къ этому единственную въ мірѣ сѣть опытныхъ сельско-хозяйственныхъ учрежденій и метеорологическихъ станцій, то будетъ ясно, что Америка сумѣетъ избѣжать кризиса экстенсивнаго земледѣлія и совершитъ быстрый и безболѣзненный переходъ къ интенсификаціи.

По примѣру Соединеныхъ Штатовъ, страны самой послѣдней колонизаціи—Канада и Аргентина, вытѣсняющія теперь Соед. Штаты съ арены мірового хлѣбнаго рынка, завели такую же систему хуторовъ—homestead'овъ.

Европа, какъ и Россія, находилась въ совершенно иномъ положеніи: за океаномъ землеустройство предшествовало не только интенсификаціи, но и заселенію пустынныхъ областей; здѣсь же оно явилось однимъ изъ средствъ уничтожить вліяніе уже разразившагося кризиса экстенсивныхъ системъ и ускорить переходъ на болѣе высокую ступень сельско-хозяйственной культуры. Съ другой стороны, въ Европѣ уже тысячу лѣтъ вся земля была занята, фео-

*) Рутченко. «С.-хоз. и землеустройство въ Соед. Штатахъ». См. также Саловъ: «Земледѣліе—главная основа благосостоянія Россіи». Спб. 1909 г.

дальный строй уничтожилъ остатки древней волостной общины и заглушилъ зародыши уравнительно-передѣльнаго механизма; семейно-захватное право перешло въ частную собственность, и землеустроительнымъ начинаніямъ правительства пришлось пробивать себѣ дорогу сквозь густыя заросли частно-правовыхъ интересовъ. Въ зависимости отъ природныхъ условій и отъ политическихъ факторовъ—главнымъ образомъ, интересовъ господствующихъ классовъ,—землеустройство разныхъ странъ западной Европы было различнымъ. Въ Англіи оно тянулось 600 лѣтъ параллельно съ огораживаніемъ и захватомъ крестьянскихъ полей и закончилось превращеніемъ почти всей земли въ собственность крупныхъ владѣльцевъ, которые разрѣзали ее на довольно большіе хутора и стали сдавать въ аренду фермерамъ. На континентѣ Европы хуторская система развилась на сѣверѣ—въ Голштиніи, Швеціи, Даніи (въ XVI—XVIII вв); черезъ Швецію она перебросилась въ нашу Финляндію. Въ Прибалтійскомъ краѣ, какъ и въ Англіи, хутора созданы помѣщиками.

Распространеніе хуторовъ на сѣверѣ объясняется благопріятными природными условіями: обиліемъ водъ, разнообразіемъ естественныхъ угодій. Третье необходимое условіе—относительное многоземелье: большинство крестьянскихъ хозяйствъ въ этихъ странахъ имѣютъ площадь въ 20—100 гектаровъ.

Въ остальной западной Европѣ, если исключить гористыя мѣстности, преобладала деревенская форма поселеній съ неизбѣжной чрезполосицей. Первыя попытки землеустройства (если не считать альгаусскаго движенія, окончившагося безрезультатно) были сдѣланы въ XVIII в. въ Пруссіи и нѣкоторыхъ другихъ германскихъ государствахъ. Тогда, по словамъ проф. Лучицкаго, еще «была сильна вѣра въ могущество мѣръ и убѣжденіе, что правительство все можетъ сдѣлать» *). Въ Пруссіи помѣщики вводили выгонную мекленбургскую систему, которой препятствовала чрезполосица ихъ владѣній съ крестьянскими,—отсюда у правительства явилась тенденція къ уничтоженію общины. «Для пользы страны, для развитія земледѣлія и увеличенія количества скота», Фридрихъ Великій повелѣлъ подлежащимъ властямъ энергично взяться за уничтоженіе общинныхъ земель, сначала «путемъ увѣщаній и основательныхъ представленій». Когда увѣщанія не помогли, король провозгласилъ: «Отнынѣ всѣ общинныя земли и пользованія, равно какъ и чрезполосица... объявляются отмѣненными и подлежащими разверстанію». Этотъ указъ вышелъ въ 1781 г., но и онъ не далъ особенныхъ результатовъ. Уже послѣ смерти короля Фридрихъ Вильгельмъ III пытался было снова поднять вопросъ о землеустройствѣ, но неудачно. Въ 1821 г., подъ вліяніемъ ученія Тэера и въ связи

*) Лучицкій. «Раздѣлъ общинныхъ земель въ Германіи XVIII в.» В. Евр. 1909 г № 7.

съ освободительной реформой, издается «положеніе о раздѣлѣ общихъ пользованій», похожее на нашъ теперешній законъ, по которому каждый членъ общины имѣлъ право требовать выдѣла своего участка, при чемъ не нужно было даже доказательствъ, что этотъ выдѣлъ не будетъ вреденъ остальнымъ сочленамъ. Но уже въ 1838 г. это право ограничивается согласіемъ $^1/_4$ части совладѣльцевъ, въ 1847 г. запрещено дѣлить общинныя земли, служащія для покрытія расходовъ самой общины, въ 1881 г. прекращенъ раздѣлъ общинныхъ лѣсовъ, а въ 1885 г. для разверстанія требуется согласіе владѣльцевъ половины площади. Аналогичное требованіе выставляется и въ Австріи, гдѣ землеустройство началось въ 1883 г.

Такъ прусская землеустроительная политика, наиболѣе радикальная въ Европѣ, шагъ за шагомъ сдавала свои позиціи, принимая все болѣе мягкія формы, становясь все болѣе осторожной и соотвѣтствующей интересамъ большинства. Теперь даже прусское землеустройство все чаще сводится только къ улучшенію дорожной сѣти, гидротехническимъ мелioраціямъ и неполному складыванію полосъ. За 1874—83 гг. въ Пруссіи было разверстано 424 тыс. гектаровъ, принадлежавшихъ 173 тыс. влад.; до разверстанія у нихъ было 1602 тыс. полосъ—по 9,3 полосы на 1 владѣльца, послѣ—382 тыс.—по 2,2 пол. Въ Австріи, къ концу 1907 г. окончательно оформлено разверстаніе только 101,2 тыс. гектаровъ (у 28,5 тыс. хоз.).

Еще осторожнѣе производятъ разверстаніе южно-германскія государства. Главное вниманіе ихъ обращено не на межеваніе и сверстку полосъ, а на гидротехнику и дороги. «Кореннымъ принципомъ западнаго землеустройства стало положеніе, что земельныя владѣнія должны размѣщаться на основѣ гидротехнической и дорожной сѣти, а не эта сѣть приспособляться къ очертаніямъ владѣній». Орошенію и осушенію стали придавать «въ послѣднее время на Западѣ чрезвычайно крупное значеніе. Это находится въ связи съ успѣхами агрикультурныхъ наукъ, выяснившими чрезвычайно важную, почти первенствующую роль для земледѣлія урегулированія почвенной влаги» *). Вслѣдствіе этого, въ Баденѣ, къ 1905 г. землеустройство произведено всего на 83 тыс. гектаровъ, да и то, въ большинствѣ случаевъ, чрезполосица не уничтожена, а только уменьшена. «При сильномъ различіи хозяйственныхъ условій въ различныхъ частяхъ дачи (почва, влажность, родъ угодій, рельефъ мѣстностей) интересы владѣльцевъ будутъ только тогда удовлетворены, если новое владѣніе нарѣзано имъ не въ одномъ отрубѣ, а въ нѣсколькихъ мѣстахъ». Теперь на 1 владѣльца въ Баденѣ приходится, въ среднемъ, 5 участковъ. Вообще западное землеустрой-

*) Хауке. Баденскій законъ объ улучшеніи устройства полей. Журн. м-ва юстиціи. 1909 г. №№ 5—6.

ство, за послѣднее время, стало осторожнымъ, гибкимъ, приспособленнымъ ко всѣмъ особенностямъ мѣстнаго хозяйства и землевладѣнія, а потому и чрезвычайно разнообразнымъ. «Чрезвычайный партикуляризмъ западнаго землеустройства, столь затрудняющій его изученіе, могъ бы служить блестящимъ доказательствомъ, въ какой сильной степени землеустройство должно быть согласовано съ мѣстными условіями и особенностями землевладѣнія».

Этой моралью мы закончимъ нашу коротенькую экскурсію въ страны болѣе высокой культуры. Перейдемъ къ нашей родинѣ.

Прежде чѣмъ правительство приступило къ осуществленію своей землеустроительной программы, на западѣ Европейской Россіи, кромѣ царства Польскаго и Прибалтійскаго края, образовалось уже нѣсколько (11) самостоятельныхъ районовъ хуторскаго разселенія въ Витебской, Ковенской, Гродненской, Смоленской, Могилевской и Волынской губ. По подсчету Кофода, къ 1904 г. въ этихъ районахъ разверсталось на хутора 19.540 дворовъ по 9,3 дес. каждый. Съ тѣхъ поръ изслѣдователи открыли еще новые естественные районы въ Псковской, С.-Петербургской и Смоленской губерніяхъ. Такимъ образомъ, если не считать Волынскаго Полѣсья *), естественное движеніе крестьянъ на хутора проявилось у насъ въ сѣверо-западномъ углу Россіи. Мы сразу натолкнемся на главную причину этого явленія, если всмотримся въ данныя о среднихъ размѣрахъ поселеній: по всеобщей переписи, они не превышаютъ здѣсь 50—60 человѣкъ, но и эти цифры, по мнѣнію Билимовича, преувеличены, т. к. нѣсколько хуторовъ или мелкихъ поселковъ, при производствѣ переписи соединялись въ одно населенное мѣсто **). Небольшіе размѣры поселеній обусловлены цѣлымъ комплексомъ природныхъ особенностей, описаніе которыхъ мы находимъ въ прекрасной работѣ по изслѣдованію хуторовъ Псковской губ. ***). «Если во многихъ мѣстностяхъ средней и южной Россіи сама природа какъ бы противится образованію мелкихъ хуторскихъ поселеній, то здѣсь, въ Псковской губ., ихъ возникновеніе является логическою необходимостью, результатомъ цѣлаго ряда условій, какъ естественно-историческихъ, такъ

*) По словамъ Ярошевича, въ «полѣсскихъ мѣстностяхъ хуторское разселеніе, находясь въ полномъ согласіи съ привычками населенія, опирающимися на условія мѣстности, представляетъ простое и естественное приспособленіе къ этимъ условіямъ и имѣетъ серьезные шансы для своего развитія». Въ южной части Волыни и Кіевщины,—въ области свекло-сахарнаго хозяйства,—малолѣсистыя и маловодныя равнины, сильное малоземелье представляютъ непреодолимыя преграды для хуторизаціи, и здѣсь возможна лишь коммассація (неполное складываніе) полосъ (См. „Очерки экономической жизни Юго-западнаго края, в. I Къ освѣщенію хуторскаго вопроса").

**) Билимовичъ, А. Разборъ положенія о землеустройствѣ. Стр. 14 Кіевъ. 1910 г.

***) Хуторскія разселенія на надѣльныхъ земляхъ Псковскаго, Островскаго и Холмскаго у. Псковской губ. по изслѣдованію 1907 г. Псковъ. 1909 г.

и культурно-правовыхъ. Значительная часть Псковской губ. отличается холмистымъ рельефомъ... Холмы небольшіе, изрѣзанные глубокими логами. Благодаря такой изрѣзанности, псковскія деревни разселились весьма дробно и, въ большинствѣ случаевъ, состоятъ изъ очень небольшого числа дворовъ». Еще меньше размѣры разселившихся деревень.

Среднее число дворовъ на 1 селеніе.

	Вообще по уѣзду.	Въ селеніяхъ, разбившихся на хутора.
Псковскій	13	7
Островскій	10	5
Холмскій	8	7

Но и въ маленькихъ деревняхъ поля рѣдко находятся въ одномъ кускѣ: очень часто каждое изъ трехъ полей такой деревни состоитъ изъ нѣсколькихъ распаханныхъ бугорковъ, раздѣленныхъ между собой сырыми, извилистыми покосами. Отсюда—невѣроятная чрезполосица, изъ года въ годъ усиливающаяся, благодаря семейнымъ раздѣламъ. Мелко-и многополосица увеличивается пестротой почвъ и ширина полосъ доходитъ до $^3/_4$ аршина.

«Тѣ же природныя условія, создающія столько неудобствъ для общинно-чрезполоснаго хозяйства, крайне благопріятствуютъ хуторскимъ разселеніямъ. Множество ручейковъ и рѣчекъ и близость подпочвенной воды позволяютъ псковскому крестьянину устроить усадьбу почти на любомъ мѣстѣ своего надѣла, а расположеніе пашни «шматками» крайне облегчаетъ удобное раздѣленіе надѣльной земли на мелкія владѣнія. При этомъ каждое изъ нихъ, обмежеванное въ одномъ кускѣ, легко снабжается главными сельскохозяйственными угодьями. Однимъ словомъ, задача раздѣленія псковскихъ деревень на хутора столь же проста, сколь сложна и мало выполнима та же задача въ средней Россіи, съ ея громадными деревнями, сплошными, тянущимися на нѣсколько верстъ пашнями, съ рѣдкими рѣчками и ручейками».

Кромѣ природы, хуторской системѣ помогаетъ отсутствіе передѣльной общины. Въ 6 уѣздахъ Псковской губ. 71,0% общинъ вовсе не передѣлялись съ освобожденія крестьянъ, въ 16,6% общинъ передѣльный механизмъ дѣйствуетъ слабо или вовсе замеръ и только въ 12,4% функціонируетъ исправно. Господствующій типъ землевладѣнія—ревизско-наслѣдный. Такія мертвыя общины не имѣютъ преимуществъ общинъ живыхъ, а, наоборотъ, обладаютъ въ увеличенномъ масштабѣ главнымъ ихъ недостаткомъ: крайней дробностью и путаницей полосъ, порождающей самую тѣсную зависимость и связанность хозяйствъ. Эта неустойчивая, неопредѣленная форма землевладѣнія, по словамъ изслѣдователей, «рано или поздно должна была уступить какому-нибудь иному, болѣе прочному образованію». Она могла перейти или въ хуторскую форму или

въ форму живой передѣльной общины. И псковскіе крестьяне пошли по обоимъ путямъ, при чемъ, до закона 9-го ноября, возрожденіе общинно-передѣльнаго механизма происходило гораздо чаще, чѣмъ переходъ на хутора. Почти всѣ живыя общины впервые приступили къ передѣламъ за послѣднія 12 лѣтъ передъ изслѣдованіемъ; на хутора перешли только 54 общины. И, кто знаетъ, не воскресла ли бы въ Псковской, какъ и въ другихъ губерніяхъ, община, если бы ея возрожденіе не убилъ въ зародышѣ новый аграрный законъ.

Теперь перенесемся съ сѣверо-западнаго угла Европейской Россіи въ противоположный уголъ—въ юго-восточную Самарскую губ. Тамъ вѣдь тоже до закона 9 ноября были хутора, хотя возникшіе не вполнѣ самостоятельно, а частью, при воздѣйствіи правительства, дѣлавшаго, начиная со временъ Екатерины, то тутъ, то тамъ слабыя и разрозненныя попытки хуторизаціи. Въ числѣ этихъ попытокъ было устройство такъ называемыхъ «семейныхъ участковъ», въ Самарской и Ставропольской губ., относящееся къ 1840-мъ гг. Каждому семейству давались нарѣзанные отрубами участки въ 40 дес., очень крупная, по тому времени, субсидія въ 95—140 рублей, сѣмена на посѣвъ и хлѣбъ на продовольствіе. Кое-гдѣ были выстроены дома; пашня разбита на 8 полей (2 яровыхъ и 6—подъ залежью). Къ настоящему времени всѣ отруба раздробились, создалась отчаянная чрезполосица, 8-миполье смѣнилось трехпольемъ. Засухи доканали крестьянъ, и множество ихъ распродало свои участки меннонитамъ и разбрелось, кто куда.

Другой опытъ, значительно позже, былъ произведенъ удѣлами въ Николаевскомъ уѣздѣ: удѣльная администрація сдавала нарѣзанные хуторами участки въ долгосрочную аренду поселенцамъ, спеціально вызваннымъ изъ центра Россіи. Теперь большинство арендаторовъ разбѣжалось, частью на родину, частью въ Сибирь; освободившіеся участки снимаются сосѣдями-крестьянами, живущими въ деревняхъ. Главная причина бѣгства—«водяной голодъ». «Удѣльное вѣдомство съ самаго начала не приняло достаточно рѣшительныхъ мѣръ къ обезпеченію своихъ арендаторовъ водой, а самостоятельно только немногіе изъ послѣднихъ справились съ этой задачей и то далеко не всегда» *). Затѣмъ наступили неурожаи: устроивши кое-какія мазанки, арендаторы, вопреки контрактамъ, обусловливавшимъ улучшенные пріемы, стали подражать сосѣднимъ сельчанамъ въ хищнической эксплуатаціи земли. Истощенная почва, когда начались засухи, совсѣмъ отказалась давать хлѣбъ; крестьяне продали свой домашній скарбъ, проѣли продовольственную и сѣменную ссуды и разбѣжались.

*) См. «Подворное и хуторское хозяйство въ Самарской губ.». Опытъ агрономическаго изслѣдованія. Т. I. Самара 1909 г.

Гораздо удачливѣе были нѣмцы-колонисты, особенно меннониты. Они сразу во многихъ мѣстахъ перешли на хутора, хотя на отведенныхъ имъ земляхъ были участки, удобные для деревенскихъ усадебъ; впрочемъ, они поставили свои дворы не посреди участковъ, а вытянули ихъ въ одну улицу по краямъ. Колодцы, устроенные казной, оказались негодными—они вырыли свои. Меннонитское хозяйство въ настоящій моментъ является наиболѣе интенсивнымъ въ Самарской губ.: урожаи у нихъ значительно выше не только крестьянскихъ, но и помѣщичьихъ; и въ этомъ засушливомъ районѣ, гдѣ при экстенсивномъ хозяйствѣ годы высокихъ урожаевъ чередуются съ годами голодовокъ, у нихъ колебанія урожаевъ, сравнительно, не велики. Почему же русскіе хуторяне погибли, а меннониты процвѣли? Ларчикъ открывается очень просто: у меннонитовъ, въ среднемъ, 93 десятины на семью—въ 3 раза болѣе, чѣмъ у государственныхъ крестьянъ, и въ 18 разъ болѣе, чѣмъ у дарственниковъ. Меннониты обладали порядочными капиталами, когда пришли сюда, и теперь на единицу площади у нихъ больше капитала, чѣмъ у помѣщиковъ и крестьянъ. Они принадлежатъ къ наиболѣе культурнымъ слоямъ сельскаго населенія. Наконецъ, они освобождены отъ воинской повинности. Словомъ, всѣ главныя условія, перечисленныя выше для процвѣтанія хуторовъ, у нихъ на лицо: они подходятъ подъ типъ американскихъ фермеровъ ближайшихъ къ западу районовъ, развѣ только, благодаря худшимъ путямъ сообщенія, хозяйство ихъ не такъ приспособлено для сбыта, какъ у американцевъ. Обладая денежными капиталами, меннониты не допускаютъ дробленія земли при наслѣдованіи, а снабдивъ выдѣляющіяся семьи деньгами, посылаютъ ихъ покупать земли въ мѣстностяхъ, гдѣ онѣ еще дешевы. Не всѣ меннониты Самарской губ. таковы: труженики земли, безъ замѣтной эксплуатаціи наемнаго труда. Описанный типъ хозяйствъ распространенъ въ Новоузенскомъ уѣздѣ. Въ Самарскомъ уѣздѣ они уже стали на линію форменныхъ помѣщиковъ, сами заняты лишь надзоромъ за батраками-татарами, и земледѣліе у нихъ поставлено значительно хуже: вмѣсто новоузенскаго пяти-полья, у нихъ обычное трехполье, изрѣдка четырехполье, и засухи отражаются гораздо рѣзче на урожайности. Въ этомъ уѣздѣ у меннонитовъ произошла к о н ц е н т р а ц і я землевладѣнія: много хозяевъ ушло въ другія мѣста, оставшіеся прибрали ихъ земли себѣ, такъ что почти половина описанныхъ 64 хозяйствъ имѣетъ болѣе 100 дес., а 7—свыше 200. Эти меннониты, получившіе 9 тыс. дес. отъ казны, давшей имъ столько земли въ надеждѣ, что они создадутъ образцовыя хозяйства, не создали ничего, достойнаго подражанія.

Въ другихъ нѣмецкихъ колоніяхъ хуторяне пошли въ обратную сторону—д р о б л е н і я земли и хозяйство ихъ, сплошь и рядомъ, опустилось до уровня средне-крестьянскаго. Общій выводъ изслѣдователей хуторовъ Самарской губ. таковъ: «одна форма едино-

личнаго владѣнія землей оказывается безсильной создать хозяйство типа, экономически раціональнаго въ данныхъ условіяхъ».

Были и другіе опыты. но и этихъ достаточно, чтобы показать, что для правительства, приступавшаго къ хуторизаціи, землеустройство не было совершенно неизвѣстной областью: эти опыты повторяютъ опытъ западной Европы и Америки, указывая, что для правильнаго устройства хуторовъ необходимъ комплексъ перечисленныхъ выше условій, изъ которыхъ главныя даются природой: обиліе водъ и разнообразіе естественныхъ угодій. Въ степныхъ областяхъ, съ однообразной, годной только для пашни и выгона почвой, хутора возможны только к р у п н ы х ъ размѣровъ, подобные американскимъ homestead'амъ и хуторамъ менионитовъ въ 94—100 дес., при чемъ хозяева этихъ хуторовъ должны быть состоятельны и культурны.

Воспользовалось ли правительство этими опытами?..

Правительственное землеустройство дѣлится по видамъ землевладѣнія: 1) на землеустройство въ частныхъ имѣніяхъ, перешедшихъ къ крестьянскому банку и купленныхъ черезъ его посредство и 2) на землеустройство надѣльныхъ земель, производимое землеустроительными коммиссіями. Отчеты крестьянскаго банка гораздо полнѣе, точнѣе, разностороннѣе отчетовъ землеустроительныхъ коммиссій, и по нимъ легче установить тотъ обликъ, который принимаетъ аграрная реформа въ дѣйствительности.

Послѣ революціи крестьянскій банкъ стремится провести начала единоличнаго землеустройства въ обоихъ видахъ своихъ операцій при продажѣ собственныхъ земель и при посредническихъ сдѣлкахъ. Въ болѣе или менѣе широкомъ масштабѣ землеустроительную политику ему удается провести съ 1908 г.

	Число десятинъ (въ тысяч.), купленныхъ крестьянами.								
	Изъ имѣній банка.			Черезъ посредство банка у помѣщиковъ.			Итого.		
	Въ единоличн. влад.	О-вами и товарищ.	% единол. покупокъ.	Въ единоличн. влад	О-вами и товарищ	% единол покупокъ	Въ единоличн. влад	О-вами и товарищ	% единол покупокъ.
1906 г. .	1,2	38,0	3,1	7,0	476,5	1,4	8,2	514,5	1,6
1907 г . .	4.6	175,6	2,6	12,0	740 6	1,6	16,6	916,2	1,8
1908 г. . .	126,0	198,9	38,8	26,3	667,8	3.8	152,3	866,7	14,9
1909 г. . .	432,5	118,8	78,5	70,2	605,6	10,4	502,7	724,4	41,0
1910 г. *) .	710,8	52,3	93,2	153,9	632,6	19,6	864 7	684.9	55,8
Итого . .	1275,1	583,6	68,6	269,4	3123,2	7,9	1544,5	3706,7	29,4

Полтора слишкомъ милліона десятинъ, проданныхъ въ единоличное владѣніе,—таковъ огульный результататъ землеустроительной

*) Данныя за 1910 г. подсчитаны по трехмѣсячнымъ предварительнымъ отчетамъ.

политики банка за истекшее пятилѣтіе. Непосредственно у банка пріобрѣло1275,1 тыс. дес. 101,1 тыс дворовъ. Сверхъ того, запродано хуторами и отрубами къ янв. 1911 г. 60 тыс. дворовъ 886 тыс. дес.; наконецъ, по посредническимъ сдѣлкамъ 269 тыс. дес. пріобрѣло 25 тыс. дворовъ. Такимъ образомъ, считая проданную и запроданную землю, банкъ насадилъ къ 1911 году 186 тыс. хуторянъ и отрубниковъ на площади въ 2441 тыс. дес.

За послѣднее время банкъ пытается (на основаніи правилъ 20 февраля и 3 іюня 1909 г.) распространить единоличное землеустройство не только на земли, переходящія теперь къ крестьянамъ по посредническимъ сдѣлкамъ, но и на земли, перешедшія раньше въ собственность обществъ и товариществъ. Но пока дѣятельность банка въ этомъ отношеніи еще слаба: за 1906—10 гг. на частновладѣльческихъ и товарищескихъ крестьянскихъ земляхъ нарѣзано и выдѣлено 8,9 тыс. хуторовъ и отрубовъ съ площадью въ 96,4 тыс. дес. Повидимому, банкъ собирается приступить вплотную къ этимъ операціямъ съ 1911 г., что позволитъ сдѣлать ему армія землемѣровъ, освобождающаяся послѣ почти законченнаго размежеванія банковскихъ земельныхъ запасовъ.

Изъ этихъ цифръ видно, что землеустоительная дѣятельность банка даетъ картину непрерывнаго развитія вглубь и вширь, по быстротѣ единственнаго въ Европѣ. Но, вотъ, вопросъ: какой типъ землеустройства культивируется банкомъ? дѣйствительно ли, какъ полагаетъ широкая публика, банкъ насаждаетъ всюду хутора, тогда какъ мы только что утверждали, что насажденіе мелкихъ хуторовъ во многихъ районахъ Россіи—безнадежное дѣло? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даютъ отчеты крестьянскаго банка, болѣе откровенные, чѣмъ отчеты землеустроительныхъ коммиссій: изъ нихъ мы узнаемъ, что банкъ насаждаетъ не одинъ, а два вида землеустройства—хутора и отрубные поселки и что площадь подъ отрубами втрое превышаетъ нарѣзанную хуторами. По отдѣльнымъ областямъ, проданныя и запроданныя по 1 іюля 1910 г. банкомъ въ единоличное владѣніе земли, распредѣляются такъ:

Изъ 100 дес. единол. владѣнія продано и запродано

	Хуторами.	Отрубами
Сѣверо-западъ: Бѣлоруссія, Литва, Прибалтійскій край.	86,9	13,1
Промышлен. центръ: Пріозерн. и Московск. районы.	67,2	32,8
Западная и восточная Малороссія .	21,0	69,0
Югъ и юго-востокъ: (Нижнее Поволжье, Новороссія)	18,8	81,7
Земледѣльческій центръ и Среднее Поволжье.	16,3	83,7
Сѣверъ, сѣверо-востокъ.	11,7	88,3
Итого 50 губ Европейской Россіи. .	26,3	73,7

Табличка эта вполнѣ подтверждаетъ наши предпосылки: только въ двухъ областяхъ сѣверо-запада и промышленнаго центра ху-

тора преобладаютъ надъ отрубами; уже на юго-западѣ на одну десятину, нарѣзанную хуторами, приходится двѣ десятины отрубовъ, а въ земледѣльческомъ центрѣ и на юго-востокѣ отрубной типъ землеустройства превышаетъ хуторской въ 5—6 разъ. Отсюда очевидно, что даже банковскіе землеустроители уступаютъ природнымъ условіямъ и проводятъ отрубную систему въ тѣхъ районахъ, въ которыхъ хутора были бы гибельны для крестьянскихъ покупателей. На сѣверѣ и сѣверо-востокѣ хуторовъ еще меньше: но здѣсь, вѣроятно, главную роль играетъ не отсутствіе воды и однообразіе угодій, а непривычка населенія, неприспособленнаго, въ условіяхъ суроваго климата, при почти полномъ бездорожьи, жить изолированно въ глухихъ лѣсахъ. Поэтому можно думать, что и въ Сибири, куда направилъ свои взоры П. А. Столыпинъ послѣ своей поѣздки, врядъ ли будетъ осуществлена хуторизація въ чистомъ видѣ.

Какъ вліяетъ расположеніе угодій на тотъ или другой видъ землеустройства, ясно изъ слѣдующей таблички, гдѣ банковскія имѣнія расположены по проценту пахотныхъ земель.

Изъ 100 дес. продано и запродано.

	Хуторами.	Отрубами.
Въ губерніяхъ въ которыхъ пашня въ банковскихъ имѣніяхъ составляетъ менѣе 30%	76,3	25,7
» отъ 30—60%	33,7	66,2
» свыше. 60% . .	18,2	81.8

Частныя владѣнія вообще отличаются гораздо большимъ разнообразіемъ угодій, чѣмъ крестьянскіе надѣлы, во многихъ мѣстахъ распаханные почти сплошь: поэтому можно думать, что хуторизація надѣловъ—операція еще болѣе трудная и не цѣлесообразная. Тѣмъ не менѣе, ревизоры м-ва внутреннихъ дѣлъ упрекаютъ банковскихъ землемѣровъ въ томъ, что они подаютъ дурной примѣръ для надѣльнаго землеустройства. Такъ, въ Пензенской губ. ревизія нашла, что «какъ почти повсемѣстно, и здѣсь на внутринадѣльное землеустройство оказалъ большое вліяніе порядокъ ликвидаціи банковскихъ земель съ преобладающимъ поселковымъ устройствомъ, неизбѣжными выгонами и нарѣзками отрубовъ довольно длинной формы, разсчитанными на сохраненіе трехполья». Въ Симбирской губ. «ликвидація земель крестьянскаго банка мало была согласована съ землеустроительными заданіями. Во всякомъ случаѣ, здѣсь получила наибольшее развитіе поселково-отрубная система, проведенная въ ущербъ образованію хуторовъ, которыхъ нарѣзано менѣе 10% всѣхъ участковъ: при этомъ отруба располагаются съ такимъ разсчетомъ, чтобы былъ обезпеченъ общій сѣвооборотъ: всегда отводятся особые выгоны, иногда изъ пахотныхъ земель». Отрубные поселки достигаютъ иногда 60—70 дворовъ, благодаря чему пашня удалена отъ усадьбы на значительное

разстояніе: цѣлый рядъ отрубовъ тянется узкими лентами, а крайніе находятся на разстояніи трехъ верстъ отъ двора *).

Хутора, устраиваемые банкомъ, далеко не всегда представляютъ изъ себя обособленные, замкнутые квадраты, на которыхъ крестьянинъ могъ бы найти всѣ нужныя ему угодья. Кромѣ того, что форма хуторскихъ площадей часто удлиннена, иногда изломана въ нѣсколькихъ мѣстахъ, сѣнокосы и выгоны и на отрубахъ, и на хуторахъ сплошь и рядомъ отводятся въ особыхъ мѣстахъ въ общее владѣніе нѣсколькихъ дворовъ. Мы не будемъ брать 1907—1908 гг., когда гг. землеустроители, по ихъ собственному признанію, были еще плохо «напрактикованы». Но вотъ данныя двухъ послѣднихъ лѣтъ.

	Продано и запродано. (тыс. дес.)		Въ общее владѣніе при хуторахъ и отрубахъ (выгонъ и другія угодья.)
	Хуторами	Отрубами	
1909 г.	195,1	625,3	28,6
1910 г.	389,9	1084,5	106,6

Ростъ насаждаемой самимъ банкомъ площади общественныхъ владѣній зависитъ, быть можетъ, оттого, что вначалѣ пускались имѣнія, наиболѣе годныя для нарѣзки обособленныхъ хуторовъ: теперь запасъ ихъ истощился, и во вторую очередь идутъ имѣнья, гдѣ волей-неволей приходится отводить довольно значительную площадь общихъ пользованій.

Но это еще не послѣднее уклоненіе банковскаго землеустройства отъ правительственнаго плана. И хуторъ, и отрубъ имѣютъ цѣлью реорганизацію крестьянскаго хозяйства. Эту свою миссію они выполняютъ только тогда, когда крестьянинъ поселяется на нихъ. Если же онъ остается въ деревнѣ и ведетъ хуторское хозяйство «наѣздомъ», какъ его предки вели въ московскую эпоху и какъ теперь крестьяне ведутъ на купленныхъ или взятыхъ въ аренду участкахъ, то понятно, что изъ такой хуторизаціи не получится ни сельско-хозяйственнаго прогресса, ни единоличнаго землеустройства, а только разовьется чрезполосица владѣній, во многихъ случаяхъ еще болѣе вредная, чѣмъ существующая надѣльная. Въ 1909 г. банкъ продалъ въ единоличное владѣніе землю: 21,5 тыс. дворовъ съ переселеніемъ и 17,1 дв. — безъ переселенія на купленные участки; въ 1910 г. изъ 38,1 тыс. хозяевъ, купившихъ отрубные участки, безъ переселенія пріобрѣло 25,5 тыс., съ переселеніемъ—12,6 тыс.—только одна треть. Кромѣ того, многіе, купившіе съ переселеніемъ, не переселяются и банкъ

*) См. «Извѣстія Земскаго Отдѣла», 1909 г № 1.

долженъ, входя въ положеніе крестьянъ, да и изъ своихъ финансовыхъ соображеній, смотрѣть на это сквозь пальцы. Конечно, можетъ быть, потомъ переселятся не только тѣ, кто взялъ на себя такое обязательство, но и добровольцы, но можетъ быть и обратное — уже переселившіеся уйдутъ, убѣдившись въ невозможности сносной жизни на новомъ мѣстѣ; такіе примѣры ужъ бывали. Правда, отчетъ банка констатируетъ, что «за послѣднее время учащаются случаи самостоятельнаго водворенія отрубщиковъ на своихъ участкахъ. Для осуществленія переселенія нерѣдко выкапывается самими крестьянами колодецъ, а устройство усадьбы производится постепенно, по бревнышку» *). Но эта умилительная картина, рисующая хуторянина въ образѣ слабой птички, строющей теплое гнѣздо, нося по соломинкѣ, обнажаетъ предъ нами новые дефекты землеустройства, являющіеся главной причиной, почему крестьяне такъ неохотно переселяются на купленные участки. Въ 1909 г. банкомъ размежевана въ натурѣ огромная территорія въ 1,1 млн. десятинъ. Въ этомъ же году межевые расходы составили 1.113 тыс. рублей, а м е л і о р а т и в н ы е — 641 тыс. рублей, т. е. на десятину пришлось меліоративныхъ расходовъ 58 копѣекъ. Въ Европѣ на гектаръ (0,9 дес.) падаютъ десятки рублей. У насъ же необходимыхъ гидротехническихъ меліорацій и дорожныхъ сооруженій требуется, конечно, гораздо больше. За три года (1907—9) банкъ вырылъ или только отремонтировалъ 3337 простыхъ колодца, 635 прудовъ и 98 абиссинскихъ и артезіанскихъ колодцевъ—по одному водовмѣстилищу на 25 хозяйствъ. Ясное дѣло, что всѣ прелести хуторскаго хозяйства меркнутъ передъ перспективой ѣздить за водой за десять верстъ.

Итакъ, что же дало пока банковское землеустройство въ технико-хозяйственномъ отношеніи? Оно дало, приблизительно, 45—50 тыс. хуторовъ, 130—140 тыс. отрубовъ, сгруппированныхъ въ поселки, доходящіе до 60 — 70 дворовъ, и лишь небольшая часть этихъ участковъ оказалась заселенной. Соотвѣтствуютъ ли эти итоги экономической сторонѣ правительственной аграрной программы,—ясно само собой. Мы не старались сгущать краски; мы опирались только на офиціальныя цифры и не касались того, на сколько эти цифры согласованы съ дѣйствительностью; а въ текущей литературѣ уже скопилось не мало фактовъ, доказывающихъ, что офиціозы не прочь эту дѣйствительность пріукрасить...

Какъ мы говорили, политическая сторона правительственной реформы требуетъ «крѣпкихъ и сильныхъ» хуторянъ и отрубниковъ. Этого же требуетъ и слабость казенной помощи на «домообзаводство», которая равняется, въ среднемъ, сотнѣ рублей на дворъ, тогда какъ оборудованіе хозяйствъ на новомъ мѣстѣ стоитъ, по

*) Обзоръ дѣятельности крестьянскаго банка по покупкѣ и продажѣ земель. Стр. 47.

мнѣнію большинства изслѣдователей, не менѣе 300 рублей. Крестьянинъ, заводя хозяйство на новыхъ началахъ, долженъ разсчитывать, главнымъ образомъ, на свои средства и силы и, сверхъ того, долженъ помнить, что ему придется съ первыхъ же лѣтъ выплачивать банковскіе платежи; понятно, что новые хуторяне должны рекрутироваться изъ болѣе зажиточныхъ слоевъ деревни. Такъ выходитъ по апріорнымъ соображеніямъ, а вотъ какъ выходитъ на дѣлѣ:

	Изъ числа купившихъ землю было: Въ 1908—9 гг. (у банка).		Въ 1907—10 гг. (казенную)		Среднее распредѣл. хозяевъ въ Европ. Россіи (1905 г.).
	Единолично	О-вами и тов-вами.	Единолично	О-вами и тов-вами.	
Беззем. .	28,6	15,8	41,4	3,7	7,0
До 3 дес	41,8	30,1	29,2	14,4	9,0
„ 3—6	17,7	26,6	18,4	34,4	20,5
„ 6—9	6,5	15,5	7,6	19,2	24,7
„ 9—15	4,0	10,3	2,1	20,3	22,4
Св. 15 дес.	1.4	3,7	1,3	8,0	16,4

Явленіе, вполнѣ аналогичное выходу изъ общины. Тамъ выходятъ преимущественно малоземельные; здѣсь они же, въ компаніи съ большимъ количествомъ совсѣмъ безземельныхъ, фигурируютъ въ качествѣ «крѣпкихъ и сильныхъ» хуторянъ и отрубниковъ—будущей опоры существующаго «правопорядка». Число совсѣмъ безземельныхъ единоличныхъ покупщиковъ вчетверо превосходитъ число безнадѣльныхъ дворовъ въ Россіи; число многоземельныхъ—въ 12 разъ меньше. Считая недостаточнымъ земельное обезпеченіе двора менѣе 6 дес., получимъ, что 88,1% единоличныхъ покупателей банка относятся къ дворамъ съ недостаточнымъ земельнымъ обезпеченіемъ.

Еще менѣе обезпечены надѣльной землей дворы, переселяющіеся на купленныя земли: въ ихъ средѣ (данныя 1909 г.)—безземельныхъ 34,5%, имѣющихъ до 3-хъ дес.—38,8% т. е. двѣ трети почти совсѣмъ не имѣли земли до покупки. Отсюда видно, что хуторизація, въ дѣйствительности, діаметрально противоположна тенденціямъ правительства; она служитъ не средствомъ «выдѣленія крѣпкихъ хозяйственныхъ единицъ», а является фактически «помощью слабымъ» *), отвергнутой съ такимъ презрѣніемъ министерствомъ Столыпина. Крестьяне, покупающіе обществами или товариществами, вдвое болѣе обезпечены надѣльной землей: хутора и отруба представляютъ изъ себя относительно крупныя площади, ихъ и пріобрѣтаютъ болѣе нуждающіеся въ землѣ. Но послѣ покупки роли мѣняются и единоличные покупа-

*) Въ обзорѣ дѣятельности банка 1906—10 гг. прямо указывается, что въ составѣ покупщиковъ банковской земли находится сравнительно много бывшихъ сельскихъ рабочихъ. Такія же указанія встрѣчаются и у министерскихъ ревизоровъ, напр., по Казанской и Рязанской губ

тели становятся многоземельнѣе покупателей обществами и товариществами. Большинство единоличныхъ покупателей концентрируется въ группахъ съ 9—25 дес., большинство общественныхъ— 3—15 дес. Въ среднемъ, на единоличное хозяйство послѣ покупки приходится 14 дес., а у общественниковъ — 9 дес. Большее количество земли у хуторянъ и отрубниковъ требуетъ, естественно, и большей наличности земледѣльческаго капитала. Однако, хотя абсолютно количество скота у единоличныхъ хозяевъ больше, чѣмъ у общественниковъ, и процентъ безлошадныхъ у нихъ меньше (16), но на единицу площади они менѣе оборудованы живымъ инвентаремъ.

	На 100 дес. приходится.		
	у единоличныхъ покупателей.	общественныхъ.	у всѣхъ крестьянъ вообще (данныя 1900 г.)
Лошадей и воловъ	13,4	17,6	35,1
Коровъ	10,7	15,9	
Мелкаго скота	34,4	54,1	40,5

Если скота у хуторянъ и отрубниковъ на единицу площади въ полтора раза меньше, чѣмъ у общественниковъ и у всѣхъ крестьянъ вообще, то, стало быть, у нихъ меньше и удобренія, и рабочихъ силъ (скота и людей), т. е. основныхъ элементовъ земледѣльческаго капитала и труда. А вѣдь этимъ хозяйствамъ, прежде чѣмъ приняться за обработку земли, надо затратить сотни рублей на превращеніе въ жилой видъ хуторской усадьбы, для чего приходится часто продавать скотину, а затѣмъ съ остальнымъ капиталомъ умудриться поставить хозяйство сразу на такую высоту, чтобы оно не только покрывало личныя и хозяйственныя потребности, но и давало весьма солидный процентъ на продажу для покрытія платежей банку, доходящихъ, при 15 десятинахъ, до сотни и болѣе рублей въ годъ. На сколько неустойчиво, рискованно положеніе такого хозяйства—видно изъ тѣхъ бюджетовъ, которые приводятся офиціальными органами въ доказательство полной возможности хуторянамъ прожить хорошо и даже накапливать сбереженія. Мы не будемъ излагать ихъ цѣликомъ, скажемъ только, что всѣ они базируются на средней урожайности въ 60—70 пудовъ съ десятины, а лугового сѣна 200 пудовъ съ десятины, при цѣнѣ на рожь 85 коп. за пудъ; если урожай понизится до 30—40 пудовъ, сѣно до 100 пудовъ,—«крѣпкій и сильный» хуторянинъ, лишенный сторонніхъ заработковъ, долженъ будетъ выслать свою семью въ деревню побираться подъ окнами общественниковъ. Разгаръ банковскаго землеустройства пришелся на два высоко-урожайныхъ года, совпавшихъ, что бываетъ такъ рѣдко, съ хорошими цѣнами на хлѣбъ. Природа и рынокъ дали хуторскому хозяйству maximum благопріятныхъ условій, но на этотъ maximum пока нельзя разсчитывать, какъ на постоянный факторъ; и только тогда, когда хозяйство новоявленныхъ хуторянъ и отрубниковъ пройдетъ чрезъ

годы тяжелыхъ испытаній, мы увидимъ, на сколько великъ среди этихъ хозяйствъ процентъ дѣйствительно крѣпкихъ, которые не погибнутъ въ этой борьбѣ одинъ на одинъ, безъ той, незамѣнимой хотя и малозамѣтной на первый взглядъ поддержки, которую даетъ общеніе съ себѣ подобными въ деревенской жизни.

Такимъ образомъ, банковскіе отчеты позволяютъ намъ утверждать, что пока ни хозяйственно-экономическая, ни политическая цѣль правительственной аграрной реформы землеустройствомъ на частновладѣльческихъ земляхъ не достигаются: вмѣсто хуторовъ насаждаются на $^3/_4$ отрубные поселки; вмѣсто «крѣпкихъ и сильныхъ» ихъ пріобрѣтаютъ изголодавшіеся въ землѣ сравнительно слабые элементы деревни, а иногда и посторонніе ей люди; на хутора и отруба переселяется меньшая половина покупщиковъ—большая остается въ деревнѣ; переселившіеся, при большихъ расходахъ и малыхъ средствахъ, рискуютъ погибнуть при первыхъ неурожаяхъ. Какъ говорятъ сами хуторяне: «Богъ пошлетъ года два урожая—выживемъ. Будетъ два года кряду неурожай—пропадать не миновать». И нынѣшній годъ будетъ первымъ годомъ тяжелыхъ испытаній для вновь испеченныхъ хуторовъ восточной части Россіи, какъ разъ той части, гдѣ до сихъ поръ землеустроительная дѣятельность была наиболѣе оживленной.

Банковскіе отчеты довольно полны и разносторонни; отчеты землеустроительныхъ коммиссій, дающіе характеристику надѣльнаго землеустройства, крайне общи, туманны, полны пробѣловъ, умолчаній; вообще, они производятъ впечатлѣніе казенной отписки, гдѣ истинное положеніе вещей скрывается подъ шаблонными цвѣтами канцелярскаго краснорѣчія. Землеустройство надѣльныхъ земель, по официальнымъ отчетамъ, распадается на единоличное и групповое. Мы не будемъ останавливаться на этомъ послѣднемъ. Главное мѣсто въ групповомъ землеустройствѣ занимаетъ размежеваніе общихъ владѣній нѣсколькихъ поселеній—этихъ остатковъ волостной общины, сохранившихся преимущественно на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ, а затѣмъ разверстаніе чрезполосицы крестьянъ съ помѣщиками, т. е. ликвидація грѣховъ освободительной реформы. Вредъ отъ этой чрезполосицы для крестьянскаго хозяйства общеизвѣстенъ и уничтоженіе ея есть лишь запоздалый актъ справедливости, значеніе котораго всецѣло зависитъ отъ его осуществленія на дѣлѣ. Наиболѣе же культурные виды этого землеустройства—выдѣлъ земли подъ выселки и раздѣлъ земель въ цѣляхъ перехода къ многопольной системѣ полеводства—составляютъ ничтожную величину: изъ 241,6 тыс. хозяйствъ, принявшихъ въ 1907—10 г.г. групповое землеустройство, только 8,7 тыс. относятся къ этимъ двумъ видамъ. Вообще эта форма землеустроительной дѣятельности коммиссій не создаетъ новаго типа землевладѣнія и хозяйства, и при огульности фактическаго матеріала, о ней нельзя сказать ничего ни хорошаго, ни плохого.

Единоличное землеустройство надѣльныхъ земель за 4 года даетъ такія цифры (въ тысячахъ):

	Поступило заявленій.	Принято населеніемъ проектовъ		На 100 заявленій исполнено и принято населеніемъ
		Дворовъ.	Площадей.	
1907 г.	81,3	8,2	88,9	10,1
1908 г	194,2	42,1	486,5	21,7
1909 г.	343,0	118,5	1222,5	34,5
1910 г	344,7	150,3	1459,4	43,6
Итого . . .	963.2	319,1	3207,3	33,1

Съ внѣшней стороны эти цифры указываютъ на быстрый поступательный ростъ единоличнаго землеустройства; къ 1911 г. на надѣльныхъ земляхъ оказалось устроенныхъ хуторами и отрубами 319 тыс. дворовъ—почти вдвое больше, чѣмъ на банковскихъ земляхъ. Какъ умудрились коммиссіи въ такой короткій срокъ произвести такую трудную сложную и отвѣтственную работу,—вслѣдствіе туманности офиціальныхъ отчетовъ, мы не знаемъ. Мы знаемъ только, что, какъ и на банковскихъ земляхъ, на крестьянскихъ надѣлахъ подъ общей рубрикой «единоличнаго» землеустройства скрываются двѣ совершенно различныхъ системы: единоличное хуторское землеустройство и групповое-отрубное. Только что вышедшій въ свѣтъ отчетъ «Землеустройство 1907—10 г.г.» сообщаетъ намъ, что на надѣльныхъ земляхъ практикуется 5 формъ землеустройства: 1) хутора квадратные съ усадьбой посрединѣ, 2) хутора удлиненные, съ усадьбой въ хвостѣ или головѣ участка, 3) хутора, участки которыхъ раскинуты въ нѣсколькихъ мѣстахъ—т. е. хутора, такъ сказать, чрезполосные, 4) отруба, въ которыхъ весь надѣлъ сведенъ въ одно мѣсто, 5) отруба, заключающіе въ одномъ участкѣ только пашню, а всѣ остальныя угодья въ другихъ мѣстахъ. Отчетъ умалчиваетъ, насколько распространена каждая форма землеустройства, но у насъ есть вѣскія основанія думать, что здѣсь преобладаетъ отрубная система въ размѣрахъ гораздо большихъ, чѣмъ на банковскихъ земляхъ. Исходный пунктъ для обоснованія этого предположенія дается вышеуказаннымъ офиціальнымъ отчетомъ, въ которомъ говорится: «устройство отрубныхъ владѣній вмѣсто хуторовъ вызывается очень часто невозможностью обезпечить водоснабженіе отдѣльныхъ участковъ, а слѣдовательно, и перенести туда усадебную осѣдлость, а также и другими, весьма различными причинами, какъ бытового, такъ и хозяйственнаго свойства. Иногда крестьяне не желаютъ покидать своихъ насиженныхъ старыхъ усадебъ, вполнѣ довольствуясь близостью къ полямъ въ $^1/_2$—$1^1/_2$ версты. Въ другихъ случаяхъ, хотя усадьбы и переносятся на новое мѣсто, но крестьяне не соглашаются селиться каждый порознь и предпочитаютъ образовывать небольшое поселеніе» (стр. 42). «При неблагопріятныхъ условіяхъ мѣстности,

напр., при необезпеченности ея водою, образованіе хуторовъ дѣлается невозможнымъ и наиболѣе совершеннымъ является разверстаніе на отруба, нарѣзанные немногочисленными группами въ непосредственной близости къ усадьбамъ, располагаемымъ небольшими поселками на мѣстахъ, вполнѣ обезпеченныхъ водою» (стр. 31).

Такимъ образомъ, главное техническое препятствіе устройству хуторовъ—отсутствіе воды; второе—расположеніе угодій: «вспомогательныя угодья—лѣсъ, луга и пр.—бываютъ расположены, обычно, на краю надѣла, или даже совершенно отдѣльно отъ пахотныхъ угодій».

Выше мы видѣли, что въ районахъ засушливыхъ—въ земледѣльческомъ центрѣ и на юго-востокѣ—даже на банковскихъ земляхъ $^5/_6$ участковъ нарѣзаются отрубами. Надѣлы гораздо болѣе, чѣмъ помѣщичьи имѣнія, обездолены природой при освобожденіи: тутъ и водныхъ источниковъ меньше и угодья не такъ разнообразны. На крестьянскихъ надѣлахъ, по даннымъ 1887 г., пашни 60,5%, на помѣщичьихъ земляхъ—только 37%.

А между тѣмъ, надѣльное землеустройство проявляется наиболѣе интенсивно въ черноземныхъ районахъ, съ ихъ сухимъ климатомъ и безводными степями.

(1907—1910 г.г.)

Приходилось на области	Изъ 100 поданныхъ объ единоличномъ землеустройствѣ заявленій.	Изъ 100 приведеныхъ въ исполненіе и принятыхъ крестьянами проектовъ.	
		Дворовъ.	Десятинъ.
Сѣверъ, сѣв.-востокъ	1,9	0,5	0,8
Пріозерный, Московскій р.	13,8	12,1	11,1
Землед. центръ, среднее Поволжье . . .	19,9	17,6	14,4
Новороссія, Нижнее Поволжье	29,9	31,6	42,1
Малороссія, юго-западъ	20,5	22,0	13,4
Бѣлоруссія, Литва . .	14,0	16,2	18,2

Почти $^3/_4$ (71,2%) землеустроенныхъ надѣловъ приходятся на земледѣльческій центръ, югъ, юго-западъ и юго-востокъ. При такихъ условіяхъ, преобладаніе отрубовъ надъ хуторами неизбѣжно, ибо у землемѣровъ нѣтъ въ рукахъ жезла Моисея, исторгающаго воду изъ скалъ и сухой земли.

Далѣе, коммиссіи отдаютъ преимущество разверстаніямъ цѣлыхъ селъ. «Въ отношеніи порядка выполненія работъ, при недостаточности землемѣрныхъ силъ, первое мѣсто отводится разверстаніямъ сельскихъ о-въ на хутора или отруба, или выдѣламъ надѣльной земли въ единоличную собственность значительнымъ группамъ домохозяевъ; выдѣлы же единоличныхъ крестьянъ относятся къ пер-

вой очереди лишь въ случаѣ показательнаго ихъ значенія» (стр. 33). Такихъ выдѣловъ произведено лишь 69 тыс.—пятая часть всѣхъ разверстаній. Остальная масса представляетъ изъ себя разверстаніе общинныхъ и подворныхъ селъ въ полномъ составѣ, при чемъ разверставшіяся села были довольно крупныхъ размѣровъ: на одну разверстанную общинную деревню приходится, въ среднемъ, 47 дворовъ и 492 дес. Итоговыя среднія получаются изъ суммированія весьма разнородныхъ поселеній: и небольшихъ поселковъ въ 5—10 дворовъ на сѣверо западѣ, и такихъ селъ-городовъ, какъ Покровская слобода Самарской губ., въ 40 тыс. душъ. Разверстать крупныя села на хутора, когда на ихъ надѣльной землѣ цѣлыя версты заняты сплошь однимъ угодьемъ, а за водой хуторянину окраиннаго участка придется ѣздить чуть ли не цѣлыя сутки,—такъ же легко, какъ разрѣшить задачу квадратуры круга. Понятно, это сплошное размежеваніе болѣе или менѣе крупныхъ селъ фактически приводитъ не къ единоличному, а къ групповому разселенію—въ лучшемъ случаѣ, съ проведеніемъ отрубной системы въ чистомъ видѣ и къ образованію изъ одной деревни нѣсколькихъ поселковъ въ 10—15 дворовъ, въ худшемъ—съ нарѣзкой каждаго надѣла въ 5—6 мѣстахъ и образованіемъ болѣе крупныхъ поселеній, т. е., въ сущности—къ коммассаціи чрезполосицы (неполному складыванію полосъ). По даннымъ о количествѣ выданныхъ ссудъ, мы можемъ установить, что не только разселеніе на хутора, но и образованіе небольшихъ отрубныхъ поселковъ подвигается весьма туго. Къ 1911 г. ссудъ на землеустройство вообще было выдано крестьянамъ и на банковскихъ, и на надѣльныхъ, и на казенныхъ земляхъ—9230 тыс. рублей на 118 тыс. дворовъ. Три четверти дворовъ (по свѣд 1909 г.)—приблизительно, 90 тыс.—получили ссуды на «домообзаводство», связанное съ переносомъ усадьбы на новыя мѣста. Почти каждый крестьянинъ, переселяющійся на землеустроенный участокъ, получаетъ такую ссуду и, слѣдовательно, по числу этихъ ссудъ можно судить о числѣ крестьянъ, дѣйствительно перешедшихъ къ хозяйству новаго типа. На банковскихъ земляхъ число переселенцевъ-хуторянъ и отрубниковъ равняется 45—50 тысячамъ; значитъ, число крестьянъ, получившихъ ссуды для устройства на хуторахъ и отрубахъ, выдѣленныхъ изъ надѣльныхъ земель, не должно превышать 40—45 тыс. Большинство этихъ ссудъ выдано, вѣроятно, настящимъ хуторянамъ, но и отрубникамъ досталась нѣкоторая часть, такъ что, въ дѣйствительности, число хуторянъ, заслуживающихъ такого названія, т. е. переселившихся или серьезно намѣренныхъ переселиться, судя по количеству ссудъ, вѣроятно, составляетъ менѣе восьмой части всѣхъ дворовъ, устроенныхъ «единолично».

Послѣднее доказательство преобладанія отрубовъ на надѣльной землѣ—небольшіе, сравнительно, размѣры землеустроенныхъ хозяйствъ: въ среднемъ, на дворъ приходится 10,5 дес.—площадь,

почти совпадающая съ площадью средняго крестьянскаго надѣла по всей Россіи, что объясняется преобладающей развсрсткой цѣлыхъ селеній. Эта площадь, мало достаточная для деревенскаго хозяйства, при условіяхъ общности пользованія нѣкоторыми угодьями и при существованіи сторонніхъ заработковъ, совершенно недостаточна для хуторянина, который долженъ имѣть отдѣльно полный комплектъ нужныхъ угодій и весь свой бюджетъ строить только на доходахъ отъ сельскаго хозяйства. Банковскіе хутора въ 1910 г., не считая общихъ пользованій, нарѣзались по 14,8 дес., въ среднемъ, отруба—12,7 дес. Такъ какъ средняя величина землеустроеннаго надѣльнаго участка меньше не только банковскаго хутора, но и отруба, то отсюда можно заключить, что хуторская система на надѣльныхъ земляхъ еще менѣе распространена, чѣмъ на банковскихъ.

Всѣ эти доводы приводятъ насъ къ убѣжденію, что на надѣльныхъ земляхъ еще сильнѣе, чѣмъ на банковскихъ, преобладаетъ, фактически, не единоличное, а г р у п п о в о е землеустройство, связанное лишь въ небольшомъ числѣ случаевъ съ переселеніемъ на новыя мѣста, т. е. съ окончательнымъ расторженіемъ связи со старымъ деревенскимъ укладомъ. Вѣроятнѣе всего, что наиболѣе распространена такая картина: крестьянинъ остается въ деревнѣ, а его надѣлъ, сведенный въ одинъ или нѣсколько отрубовъ, лежитъ отъ двора, можетъ быть, на разстояніи 2—3 верстъ. Если у него есть купленная черезъ банкъ земля,—а она есть теперь у милліоновъ,—то она отрѣзана, опять таки, въ другомъ мѣстѣ. Въ третьемъ—пріютилась десятина-другая арендованной пашни... Чѣмъ лучше этотъ конгломератъ клочковъ, разбросанныхъ на пространствѣ нѣсколькихъ верстъ, современной общинной чрезполосицы? Иногда, наоборотъ, это новое землеустройство способно отбросить крестьянъ къ эпохѣ переложнаго земледѣлія и «отъѣзжихъ» пашень, разбросанныхъ клочками по территоріи волостныхъ общинъ въ средніе вѣка. Представимъ себѣ еще послѣдствія мобилизаціи земель, купли-продажи отрубовъ по частямъ, аренды-сдачи, дробленія при переходахъ по наслѣдству: очевидно, такое землеустройство не можетъ повысить ни производительности земли, ни производительности труда и недолго будетъ радовать начальственныя сердца.

Перейдутъ ли хотя бы всѣ землеустроенные дворы на новыя мѣста зависитъ, во 1-хъ, отъ того, на сколько удобно нарѣзаны новые участки, а во вторыхъ—отъ правительственной и земской помощи. На банковскія земли переходятъ, почти исключительно, малоземельные бѣдняки; въ развсрстаніи надѣловъ участвуютъ, несомнѣнно, всѣ слои деревни, такъ какъ деревни развсрстываются цѣликомъ. Вслѣдствіе того, что въ деревняхъ вообще преобладаютъ средніе слои, обычно еле сводящіе концы съ концами и капиталовъ, необходимыхъ даже для переноса усадебъ, не на-

копившіе,—имъ такъ же, какъ и банковскимъ покупщикамъ, необходимы ссуды на переселеніе. Правительство признаетъ нормальной ссуду въ 150 руб. на дворъ. Чтобы всѣ 505 тыс. «единоличныхъ» хуторянъ и отрубниковъ дѣйствительно могли стать таковыми, на «домообзаводство» имъ нужно отпустить 75 милл. рублей, а чтобы всѣ 15 мил. дворовъ въ Европѣ и Азіи разселились по своимъ надѣламъ и купчимъ землямъ, потребуется кругленькая сумма въ $2^1/_2$ милліарда. И эта сумма окупаетъ не болѣе половины затратъ лишь на переустройство усадебъ, опредѣляемыхъ большинствомъ изслѣдователей minimum въ 300 руб. на дворъ. Но одинъ переносъ усадебъ еще ничего не дастъ; правительству и земству не отвертѣться отъ возрастающихъ въ геометрической прогрессіи расходовъ по агрономической помощи населенію, организаціи кредита, гидротехническимъ и дорожнымъ сооруженіемъ.

Самъ П. А. Столыпинъ въ своей запискѣ признаетъ, что «землеустройство само по себѣ—только средство, только ступень. Оно даетъ возможность производительнаго труда,—но и только одну возможность». А между тѣмъ, «къ организаціи агрономической помощи только что приступлено и при томъ въ скромныхъ размѣрахъ», выражающихся въ затратахъ 2 мил. рублей въ 1910 г. и 4 милліоновъ—въ 1911 г. Съ другой стороны, «при настоящихъ условіяхъ владѣльцами отрубовъ и хуторовъ почти безъ исключенія являются крестьяне, не обладающіе достаточнымъ оборотнымъ капиталомъ для какихъ либо улучшеній въ хозяйствѣ: оно ведется у нихъ все тѣми же первобытными пріемами» (курсивъ нашъ. Н. О.). Нуженъ кредитъ, и опять таки кредитъ многомилліонный.

Намъ нечего прибавлять къ этимъ краснорѣчивымъ признаніямъ: чѣмъ шире развертывается землеустроительная эпопея, тѣмъ все яснѣе становится, какую огромную ношу взвалило на себя правительство и какъ быстро наростаетъ тяжесть этой ноши. Но пока оно не чувствуетъ этой тяжести и, отдѣлываясь грошами при созиданіи труднѣйшихъ формъ землеустройства, тѣшитъ себя громадными цифрами, даже гордится тѣмъ, что въ Россіи дѣло спорится вдесятеро быстрѣе, чѣмъ въ Европѣ, и насмѣхается надъ нѣмецкой щепетильностью. Между тѣмъ искренно относящіеся къ дѣлу землеустроители сознаются въ необходимости взвѣшивать, обдумывать каждый шагъ въ этой необычайно сложной работѣ творчества новыхъ хозяйственныхъ организмовъ. «Неся на себѣ трудъ внутри-надѣльнаго землеустройства, говорятъ харьковскіе землеустроители, съ его чрезвычайными трудностями, неизбѣжно убѣждаешься, что здѣсь работать форсированно, спѣшно, работать на показъ—грѣшно и невозможно». Громадныя цифры землеустроенныхъ хозяйствъ, при ничтожныхъ затратахъ, показываютъ, что работа ведется именно «грѣшно и невозможно», на показъ своему начальству, а что за этимъ показомъ скрывается—начальство пря-

четъ отъ насъ; но пройдетъ, быть можетъ, не болѣе 2—3 лѣтъ— и все тайное станетъ явнымъ.

V.

Выводы.

Организованный правящей властью земельный переворотъ имѣетъ главной цѣлью на развалинахъ общины создать политически-консервативный, экономически-сильный и хозяйственно-прогрессивный классъ мелко-буржуазныхъ собственниковъ-хуторянъ. Дѣятельность правительства слагается изъ двухъ актовъ: акта разрушенія старыхъ порядковъ землепользованія и акта созиданія новыхъ формъ крестьянскаго хозяйства. Въ своихъ «Очеркахъ по исторіи земельныхъ отношеній въ Россіи» мы отмѣтили разницу въ степени осуществимости актовъ разрушающихъ, и актовъ созидающихъ извѣстныя экономическія отношенія. «Достаточно сильная государственная власть въ состояніи разрушить, уничтожить какой-либо изъ элементовъ въ этихъ отношеніяхъ, но она не можетъ его создать, не опираясь на реальныя условія экономической жизни: вопреки этимъ условіямъ, власть не можетъ создать ничего, кромѣ пустыхъ предписаній, которыя такъ и останутся на бумагѣ» *). И, дѣйствительно, «землеразстройство»—разрушеніе общины, какъ показываютъ вышеизложенные факты, дало наибольшіе результаты: полтора милліона уже укрѣпившихся дворовъ и свыше двухъ милліоновъ заявленій о выдѣлѣ. Однако, при всей своей грандіозности, результаты эти далеко не оправдываютъ разсчетовъ правительства. Оно разсчитывало, что изъ общины выйдутъ въ первую голову «крѣпкіе и сильные», многоземельные хозяева, а на самомъ дѣлѣ уходятъ слабые малоземельные слои, которые не имѣли глубокихъ корней въ деревнѣ и которые большую часть средствъ существованія добывали не земледѣліемъ, а сторонними заработками. Оно разсчитывало, что община, являясь тормазомъ сельско-хозяйственнаго прогресса, заставитъ пойти на выдѣлъ крестьянство болѣе интенсивныхъ районовъ, — въ дѣйствительности, великорусская община разрушается на экстенсивномъ югѣ и юго-востокѣ,—тамъ, гдѣ она не могла укрѣпиться вслѣдствіе кратковременности своего существованія, гдѣ крестьяне еще не успѣли, какъ слѣдуетъ, осѣсть и гдѣ въ массѣ сильнѣе бродячіе инстинкты. Правда, вліяніе закона 9-го ноября, начиная съ юго-восточнаго угла, распространяется концентрическими кругами вглубь страны, но вмѣстѣ съ тѣмъ ослабѣваетъ интенсивность стремленія къ выдѣлу, и вездѣ этому закону идутъ навстрѣчу захудалые, неустойчивые элементы деревни. Очевидно, разрушеніе общины развиваетъ соціальную

*) См. „Закономѣрность аграрной эволюціи“, т. II, стр. 330.

дифференціацію: полупролетарскія хозяйства смѣшаннаго земледѣльческо-промысловаго типа превращаются въ чисто-пролетарскія, городъ порываетъ связи съ деревней, деревня обособляется отъ города, становится болѣе однороднымъ по своему составу конгломератомъ чисто земледѣльческихъ хозяйствъ.

Но соціальная дифференціація—не главный результатъ закона 9-го ноября: разрушеніе общины происходитъ преимущественно въ земледѣльческихъ областяхъ; вообще, наша промышленность не на столько сильна, чтобы дать заработокъ сразу милліонамъ новыхъ рабочихъ, и надо полагать, что большинство малоземельныхъ «укрѣпленцевъ» имѣетъ своей цѣлью найти въ другихъ мѣстахъ достаточное количество земли для самостоятельнаго хозяйства. Они составляютъ главные кадры переселенцевъ, они же являются первыми покупателями банковскихъ хуторовъ и отрубовъ. Свобода выхода изъ общины усиливаетъ передвиженіе крестьянъ по лицу земли русской и могла бы, хотя отчасти, привести къ удовлетворенію земельной нужды, если бы правительственная политика устремила свое вниманіе на эту сторону. Но, собираясь пустить въ продажу сибирскій казенный фондъ, наваливая на бѣдныхъ хуторянъ и отрубниковъ тяжелые платежи, правительство разбиваетъ мечты изголодавшихся по землѣ выходцевъ изъ общины и несомнѣнно породитъ въ ближайшемъ будущемъ не только пролетаризацію, но и пауперизацію многихъ изъ этихъ «рисковыхъ» людей. Съ другой стороны, оставшіеся въ общинѣ не могутъ воспользоваться освободившимися надѣлами, потому что, не имѣя наличныхъ денежныхъ средствъ, рядовые крестьяне не въ состояніи пріобрѣсти эти надѣлы, и ихъ расхватываютъ деревенскіе кулаки, разсчитывая на тройные барыши при сдачѣ въ аренду.

Такимъ образомъ, разрушеніе общины до сихъ поръ не давало удовлетворенія ни правительству, ни самимъ крестьянамъ, какъ выдѣляющимся, такъ и остающимся въ общинѣ: правительству—потому, что оно вовсе не способствовало созданію крѣпкаго и сильнаго класса самостоятельныхъ производителей, крестьянамъ—потому, что мобилизуемый земельный фондъ или попадаетъ въ руки нуждающихся въ землѣ на условіяхъ, способствующихъ большему раззоренію и безъ того захудалыхъ хозяйствъ, или проходитъ мимо нихъ, переходя въ собственность земельныхъ эксплуататоровъ.

Законъ 9-го ноября пошелъ по линіи наименьшаго сопротивленія: захвативъ малоземельные, неустойчивые слои и районы съ неокрѣпшимъ общиннымъ механизмомъ, волны выдѣла стали затихать. Пойдетъ-ли дальше разрушеніе общины, затронетъ ли оно крѣпкія жизнеспособныя общины центра и средніе слои крестьянъ, живущихъ преимущественно земледѣліемъ?.. Исторія показываетъ, что разрушеніе сложившихся хозяйственно-экономическихъ отношеній иногда удавалось правительству, и, во всякомъ случаѣ, дав-

леніе сверху, особенно въ моменты хозяйственнаго перелома, можетъ дать весьма осязательные результаты. Законъ 14-го іюня уничтожилъ однимъ почеркомъ пера возможность возрожденія общинъ не только съ замершимъ передѣльнымъ механизмомъ, но и тѣхъ, гдѣ онъ началъ уже работать въ видѣ частныхъ свалокъ-навалокъ. Такихъ общинъ и офиціальные матеріалы, и извѣстный знатокъ этого вопроса К. Р. Качоровскій насчитываютъ около половины, но такъ какъ это, преимущественно, небольшія общины бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, то обнимаютъ онѣ, по разсчетамъ К. Р. Качоровскаго, всего 29.3% населенія и 27,3% земли. Часть этихъ мертвыхъ или полуживыхъ общинъ, вѣроятно, уже разложилась подъ вліяніемъ закона 9-го ноября, остальная часть можетъ погибнуть отъ закона 14-го іюня. Останутся общины, жизнедѣятельность которыхъ будетъ признана не только объективными изслѣдователями, но и административной властью. Ихъ дальнѣйшая судьба, конечно, сильно зависитъ отъ грядущихъ политическихъ факторовъ, но появленіе этихъ факторовъ на исторической сценѣ, при современномъ состояніи нашихъ знаній, предугадать нельзя, поэтому мы не вправѣ строить на нихъ какихъ-либо предположеній. Другое дѣло—смѣна хозяйственныхъ формъ; неизбѣжность перехода къ болѣе интенсивнымъ системамъ земледѣлія теперь уже общепризнана, и съ этой стороны дальнѣйшее существованіе нашей передѣльной общины зависитъ отъ того, на сколько она сумѣетъ приспособиться къ новымъ запросамъ сельскаго хозяйства.

При интенсификаціи земледѣлія, несомнѣнно, пріобрѣтаетъ гораздо большее значеніе, чѣмъ теперь, «право затраченнаго личнаго труда». Главнымъ мотивомъ противниковъ общины изъ крестьянской среды «является именно мотивъ спокойнаго труда и возможности улучшеній для отдѣльныхъ хозяевъ на ихъ участкахъ безъ боязни, что послѣдніе будутъ при передѣлѣ отобраны другими, т. е. желаніе именно полнаго и чистаго осуществленія права затраченнаго труда» *).

Борьба между сторонниками и противниками общины на идейной почвѣ сводится къ борьбѣ соціальнаго стимула «права на трудъ» съ индивидуалистическимъ «правомъ труда»—требованіемъ, чтобы каждому хозяину были оплачены всѣ затраты, весь трудъ, вложенный имъ въ тотъ участокъ, которымъ онъ пользуется въ данный моментъ. Переходъ къ интенсивному хозяйству, при которомъ затраты на улучшеніе плодородія почвы увеличиваются въ нѣсколько разъ, а priori долженъ соотвѣтственно повысить притязанія личнаго труда. «На сколько плугъ беретъ глубже сохи, на столько глубже укореняется и личное право; аргументъ «сколько я пота пролилъ»—уступаетъ передъ аргументомъ «сколько я на-

*) К. Р. Качоровскій „Народное право“, стр. 152

воза ввалилъ» *). Но почему же, какъ мы видѣли, какъ разъ въ районахъ, идущихъ впереди другихъ по пути сельско-хозяйственнаго прогресса, гдѣ плугъ повсюду вытѣснилъ соху, гдѣ всѣ хозяева навозятъ свои полосы, община не распадается не только подъ вліяніемъ интенсификаціи, но и крѣпче другихъ устояла передъ натискомъ закона 9-го ноября? Потому что личное право труда наиболѣе опасно для общинныхъ принциповъ только тогда когда въ массахъ хозяйствъ еще не назрѣла способность обработки земли: тогда, дѣйствительно, отдѣльные крестьяне, идущіе впереди своихъ сосѣдей, воздерживаются отъ усиленныхъ затратъ своей земли и негодуютъ, что ихъ хорошо удобренные загоны не даютъ имъ настоящаго плода. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мы произвели подсчетъ числа хозяевъ, удобряющихъ землю въ Воронежской губ., въ передѣльныхъ и безпередѣльныхъ общинахъ: въ первыхъ такихъ хозяевъ оказалось 9,6%, во вторыхъ—14,1% **). Но сельско-хозяйственная исторія создается не единицами, а массами. И въ средѣ частныхъ владѣльцевъ были помѣщики, сто лѣтъ тому назадъ вводившіе многопольные сѣвообороты, однако и по-сейчасъ въ большинствѣ имѣній господствуетъ трехполье. Сельско-хозяйственная эволюція менѣе всего зависитъ отъ воли отдѣльныхъ лицъ: главнымъ двигателемъ ея является такой универсальный факторъ, какъ ростъ населенія, отражающійся такъ или иначе на всѣхъ хозяйствахъ данной мѣстности и побуждающій ихъ добывать съ единицы площади возрастающее количество продуктовъ. И при такой, творимой всѣмъ «скопомъ» эволюціи, готовая коллективность общины оказываетъ ей большія услуги, подталкивая отсталыхъ. Выдѣлъ изъ общины малоземельныхъ упалыхъ хозяйствъ дѣлаетъ болѣе однородными въ хозяйственномъ отношеніи оставшіеся дворы и побудитъ ихъ, какъ это наблюдается уже теперь, къ массовымъ улучшеніямъ. Тѣмъ не менѣе, надо предвидѣть, что вопросъ о личномъ правѣ труда при интенсификаціи будетъ возникать все чаще въ уцѣлѣвшихъ общинахъ и, для сохраненія передѣльнаго механизма, потребуется широкое проведеніе принципа качественнаго уравненія, т. е. добавочнаго вознагражденія за лучше обработанные и удобренные участки.

Второе затрудненіе, съ которымъ должна будетъ сладить община, возникаетъ отъ необходимости въ трансформаціи типа поселеній и въ уничтоженіи вредной чрезполосицы. Если при выдѣлѣ изъ общины отдѣльныхъ хозяйствъ преобладаютъ малоземельные, то въ разверстаніи на хутора и отруба участвуютъ,

*) Ibidem, стр. 153.

**) Впрочемъ, необходимо замѣтить, что передѣльныя общины Ворон. губ втрое крупнѣе безпередѣльныхъ (въ среднемъ у первыхъ на 1 общину приходится 249 дворовъ, а у вторыхъ—82 дв.). Въ крупныхъ общинахъ, въ силу дальнеземелья, удобреніе примѣняется рѣже.

преимущественно, цѣлыя села. Грядущая интенсификація все настойчивѣе будетъ требовать приближенія земли къ крестьянину и, при разселеніи большихъ селъ, при складываніи полосъ, неполномъ и полномъ—вплоть до отрубовъ, передѣльный механизмъ, чтобы уцѣлѣть, долженъ обнаружить большую гибкость и изобрѣтательность. Начавшійся въ болѣе культурныхъ районахъ переходъ на широкія полосы показываетъ, что сохраненіе общиннаго принципа, при переходѣ къ новымъ хозяйственнымъ формамъ, вполнѣ возможно; но нельзя отрицать и того факта, что до сихъ поръ живыя общины оказывались, главнымъ образомъ, въ крупныхъ поселеніяхъ, а въ значительной части мелкихъ деревень господствовала мертвая ревизско-наслѣдственная разверстка.

Итакъ, сохраненіе уцѣлѣвшихъ до сихъ поръ общинъ зависитъ отъ двухъ условій: отъ той или иной политической коньюнктуры и отъ степени приспособляемости общиннаго уклада къ требованіямъ интенсивной агрикультуры. Мы не отрицаемъ разрушительной силы централизованной бюрократіи, но все-таки болѣе существеннымъ, какъ постоянный и при томъ все усиливающійся факторъ, мы признаемъ второе условіе. Разъ сохранится деревенская форма поселеній, община, если она жизнеспособна, т. е. необходима для крестьянскихъ массъ, можетъ возродиться и въ отрубныхъ поселкахъ. Дальнѣйшее размноженіе населенія придастъ новую силу соціальному принципу «права на трудъ», тѣмъ болѣе, что приростъ сельскихъ жителей у насъ долго будетъ находиться въ иныхъ условіяхъ, чѣмъ въ Европѣ. Въ Европѣ сельское населеніе убываетъ: весь приростъ перетекаетъ въ города и за океанъ, или, какъ во Франціи, мужикъ сознательно сокращаетъ свое потомство. Нѣтъ основаній думать, что въ Россіи, въ ближайшемъ будущемъ, произойдетъ что либо подобное; а наростающія поколѣнія земледѣльцевъ скоро потребуютъ у породившихъ ихъ старшихъ права на жизнь, неразрывно связаннаго съ правомъ на землю. Главное значеніе современной общины въ томъ, что она является страховымъ союзомъ для обезпеченія землей приростающаго населенія; въ Европѣ прироста нѣтъ—тамъ и надобности въ такомъ союзѣ не ощущается. У насъ же неизбѣжный и многомилліонный приростъ еще не разъ станетъ грозой для принципа «священной» частной собственности на землю во всѣхъ ея видахъ.

Но все-таки мы допускаемъ, что въ ближайшемъ будущемъ община, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ районахъ, не сумѣетъ сладить съ давленіемъ сверху и снизу и не доживетъ до лучшихъ дней. Вспышки общинныхъ традицій, конечно, еще долго будутъ проявляться въ разныхъ мѣстахъ, правовое творчество свободнаго народа, можетъ быть, сумѣетъ претворить ихъ въ болѣе высокія формы общежитія, но сейчасъ индивидуалистическія тенденціи въ крестьянствѣ еще сильны, личная земельная собственность для

многихъ имѣетъ большую притягательную силу и въ этомъ отношеніи существующее правительство сможетъ добиться максимальныхъ успѣховъ.

Но формы собственности еще не предрѣшаютъ хозяйственныхъ формъ, и разрушеніе общины составляетъ только одинъ параграфъ правительственной аграрной программы. Въ связи со своими политическими тенденціями, современная власть стремится разрушить не только общину, но и деревню, разселить милліоны крестьянъ всей Россіи по хуторамъ, и мы говорили вначалѣ, что если оно не осуществитъ этой задачи—вся, такъ хитро задуманная комбинація развалится, какъ карточный домикъ.

Но создавать, творить новыя и при томъ жизнеспособныя формы х о з я й с т в а—задача совсѣмъ иного рода, чѣмъ разрушать коллективныя формы земельной с о б с т в е н н о с т и въ подходящій историческій моментъ. Законъ 9-го ноября упалъ на психически подавленную массу, пламенныя упованія которой были разбиты вдребезги промчавшейся бурей, соціальные инстинкты заглохли—наружу выступили грубыя эгоистическія поползновенія. Использовать эти поползновенія, подловить малоземельныхъ крестьянъ на стремленіи какъ-нибудь измѣнить свою судьбу,—«хоть гирше, да инше»—было не такъ ужъ трудно. Но творчество новыхъ хозяйственныхъ формъ зависитъ не только отъ людей, а еще больше отъ природы страны, требуетъ совсѣмъ иныхъ исполнителей, чѣмъ тѣ, которыхъ могутъ дать бюрократическіе кадры, медленной упорной работы нѣсколькихъ поколѣній и огромныхъ матеріальныхъ затратъ. Хуторизація въ Россіи, по крайней мѣрѣ, теперь, въ большомъ масштабѣ, неосуществима.

Во 1-хъ, потому, что въ большинствѣ районовъ *) негдѣ достать

*) Изъ этого положенія мы исключаемъ сѣверо-западные районы, гдѣ еще до 1906 г. проявилось естественное движеніе на хутора. Тамъ хуторская система не только возможна, но и полезна въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. До сихъ поръ тамъ культивирована еще небольшая часть всей площади, остальная пропадаетъ въ разныхъ пустошахъ: подъ лѣсомъ, кустарникомъ, болотнымъ лугомъ. Изслѣдованіе псковскихъ хуторовъ показываетъ, что хуторяне прежде всего принимаются за меліорацію такихъ пустошей. Впрочемъ, изслѣдователи утверждаютъ, что и общинники, получивъ въ надѣлъ заросли и болотные луга, съ такимъ же успѣхомъ превратили бы ихъ въ пашни и сѣнокосы. «Въ надѣлѣ эти земли лежали безплодными только потому, что были отведены въ видѣ слишкомъ отдаленныхъ участковъ или поддачъ», т. е. здѣсь главную роль сыграла не форма землеустройства, а приближеніе земли къ крестьянину. Для всей черноземной Россіи, гдѣ земли, которыя могли давать какой либо урожай, распаханы вдоль и поперекъ, а неудобными считаются только дѣйствительно никуда негодные солонцы и пески, необходимо не осушеніе, а орошеніе: поставить дѣло орошенія на правильную почву не по силамъ отдѣльнымъ хуторянамъ—оно доступно только крупнымъ коллективнымъ организаціямъ правительству, земству или такимъ могучимъ кооперативамъ, о которыхъ мы пока не смѣемъ мечтать Хуторизація же не облегчитъ, а затруднитъ рациональную постановку орошенія.

воды, невозможно распланировать всѣ угодья съ удобствомъ для хуторянъ, т. е. природа ставитъ ей непреодолимыя преграды.

Во 2-хъ, потому, что хутора возможны лишь при многоземельи (въ особенности, въ засушливыхъ районахъ)—для милліоновъ хуторовъ потребуется десятки милліоновъ десятинъ добавочнаго фонда; откуда ихъ возьметъ нынѣшнее министерство, мечтающее не только сохранить, но и пріумножить помѣстное дворянство, насадивши его въ сибирской тайгѣ?

Въ 3-хъ, рациональная хуторизація требуетъ милліардныхъ расходовъ со стороны правительства и народа, на которые ни правительство, ни народъ пойти не могутъ.

Въ 4-хъ, устойчивое хуторское хозяйство базируется на культурности и состоятельности населенія—наши крестьяне невѣжественны и бѣдны.

Въ 5-хъ, та самая частная собственность, которая культивируется такъ усиленно, поставитъ рядъ своего рода проволочныхъ заграждений и волчьихъ ямъ, въ которыя уже начали попадать хуторяне вмѣстѣ съ землеустроителями *).

Неосуществимость этой затѣи, за которую могли приняться только ослѣпленные самовластіемъ, переоцѣнившіе свои силы люди, вознесенные капризомъ исторіи на одинъ моментъ вверхъ, станетъ совершенно очевидной, если сравнить цифры, характеризующія успѣхи разныхъ сторонъ аграрной реформы до 1911 г. Вышло изъ общины полтора милліона, «землеустроилось»—полмилліона, а поселилось не только на хутора, но и на отруба не болѣе 90 тыс., да и съ тѣми творится что-то неладное, и недаромъ правительство такъ долго не опубликовываетъ результатовъ изслѣдованія хуторовъ въ 28 губерніяхъ. Чтобы только удесятерить эту послѣднюю цифру, понадобится со стороны правительства 150 милліоновъ на одно «домообзаводство», не считая агрономической помощи, кредита, гидротехники, да столько же отъ самихъ крестьянъ, да на покупку нѣсколькихъ милліоновъ десятинъ еще больше.

Уступая перечисленнымъ и другимъ препятствіямъ, встрѣчающимся на каждомъ шагу, землеустройство на мѣстахъ, въ большинствѣ мѣстностей, создаетъ не хуторскую систему, а въ лучшемъ случаѣ—групповую, поселковую систему отрубовъ. На самомъ дѣлѣ и отрубные поселки пока существуютъ, главнымъ образомъ, на бумагѣ, такъ какъ болѣе $^5/_6$ землеустроенныхъ крестьянъ еще не выселилось на новыя мѣста.

Такимъ образомъ, насажденіе той формы землеустройства, которую избрало наше правительство, идетъ пока очень туго; еще меньшій успѣхъ ожидаетъ попытку ускорить, на почвѣ этого землеустройства, прогрессъ сельскаго хозяйства въ Россіи. Даже въ

*) Примѣръ—исторія смоленскихъ хуторовъ, разсказанная г Петрищевымъ въ апрѣльскомъ № «Русск Бог.».

Германіи, гдѣ всѣ условія для этого прогресса были гораздо болѣе благопріятными, удвоенія урожаевъ удалось достигнуть лишь въ теченіе столѣтняго промежутка: ясно, на сколько утопична мечта однимъ махомъ, «въ предѣлахъ одного министерства», добиться подобныхъ результатовъ съ нашими ничтожными средствами.

Если бы правительство смогло отказаться отъ хуторизаціи, если бы групповая система разселенія сконцентрировала на себѣ все вниманіе достаточно опытныхъ землемѣровъ, то она могла бы дать достаточно прочный базисъ для коренныхъ хозяйственныхъ улучшеній. Представимъ себѣ поселокъ въ 30—40 дворовъ съ площадью въ 300—400 десятинъ. Если эта площадь имѣетъ квадратную форму и усадьбы расположены посрединѣ, то до дальняго конца поля будетъ не болѣе версты—разстояніе, доводящее до необходимаго minimum'а непродуктивныя затраты на передвиженіе и транспортъ тяжестей. Главное условіе, необходимое для интенсификаціи хозяйства, будетъ соблюдено. Соблюдено и другое условіе—достаточная ширина участковъ, допускающая продольную и поперечную вспашку. Организація такого поселка, сравнительно съ хуторами, въ десятки разъ сокращаетъ расходы на гидротехнику и дорожную сѣть. Тутъ возможны и болѣе сложныя меліораціи и примѣненіе самыхъ крупныхъ сельско-хозяйственныхъ машинъ—плуговъ съ механическими двигателями и паровыхъ молотилокъ.

Съ экономической стороны, такой поселокъ обезпечиваетъ развитіе кооперацій всякаго рода, съ культурной—приближаетъ школу къ дѣтямъ. Наконецъ, при болѣе высокомъ культурномъ развитіи, при сплоченности всѣхъ членовъ общества, здѣсь можетъ найти подходящую почву та или иная форма производительной кооперації. Земледѣльческія артели—тотъ идеалъ, къ которому все ускоряющимся шагомъ приближается трудовое крестьянство культурныхъ странъ, гораздо легче привьются въ такихъ небольшихъ поселкахъ, чѣмъ въ крупныхъ селахъ, гдѣ и техническія условія не соотвѣтствуютъ требованіямъ интенсивнаго хозяйства, и экономическая разслоенность сильнѣе, и больше всякихъ дрязгъ, несогласій, ссоръ, иногда раскалывающихъ концы села на двѣ враждебныя партіи.

Хуторская система возможна только на сѣверо-западѣ; отрубная, конечно, тоже осуществима и полезна далеко не во всѣхъ мѣстахъ; тамъ, гдѣ ни хутора, ни отруба не нужны, гдѣ села не слишкомъ велики и длинноземелье не очень ощутительно,—тамъ было бы достаточно простой сверстки полосъ. Но такая землеустроительная политика, которая была бы болѣе раціональной съ точки зрѣнія простого здраваго смысла, противорѣчитъ цѣлямъ правительства, стремящагося не къ сплоченію, а къ разъединенію крестьянской массы, памятуя принципъ «раздѣляй и властвуй». Правительство убѣждено, что только у изолированныхъ хуторянъ можетъ глубоко вкорениться принципъ частной собственности,

вражда къ деревенской массѣ и смиренная покорность передъ власть имѣющими. «Хуторское хозяйство по своей природѣ приспособлено быть основой сильной централизованной бюрократіи» — говоритъ Марксъ *). Отказаться отъ этой опоры теперешнему правительству невозможно, и, вопреки природѣ и здравому смыслу, оно будетъ упрямо требовать хуторовъ отъ провинціальныхъ землеустроителей. А предъ этими послѣдними сплошной стѣной стоитъ непроходимая чаща природныхъ, соціально-экономическихъ, финансовыхъ, культурныхъ, наконецъ, психологическихъ преградъ; и врубаться имъ въ эту чащу приходится съ перочиннымъ ножикомъ въ рукахъ. Понятно, что иначе работать, какъ «напоказъ» строить потемкинскія декораціи, они не могутъ, если бы и хотѣли, и хуторская система фактически въ жизнь не пройдетъ. А если она не пройдетъ въ жизнь, то не пройдетъ и организація консервативнаго, мелко-буржуазнаго класса—главная цѣль правительственной программы.

Но если правительство не сумѣетъ при помощи землеустроительныхъ махинацій создать такой классъ, то не можетъ ли все-таки его аграрная политика повести къ развитію экономической дифференціаціи и классоваго антагонизма въ крестьянской средѣ? Правительство совершенно открыто ставитъ дифференціацію своей цѣлью: что она неизбѣжно разовьется—въ этомъ убѣждена либеральная и марксистская интеллигенція и ея опасаются представители народническаго направленія. И, дѣйствительно, реальная обстановка аграрной реформы даетъ всякіе поводы для такихъ надеждъ и опасеній, хотя не въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ и не въ тѣхъ формахъ, на которыя можно было бы разсчитывать, исходя изъ теоретическихъ соображеній.

Теоретическія соображенія приводили къ выводу, что мобилизація земель крестьянскаго банка, при томъ въ видѣ хуторовъ и отрубовъ, должна создать кадры «крѣпкихъ и сильныхъ». Но правительство отпугнуло ихъ высокими платежами и, вопреки ожиданіямъ, банковскіе хутора разбираются, въ большинствѣ, изголодавшейся по землѣ деревенской голытьбой. Какъ это ни странно, но теперь банковскій фондъ идетъ на помощь слабымъ слоямъ, помощь очень опасную, но именно, въ силу своей опасности, неспособную усилить, въ замѣтныхъ размѣрахъ, мелко-буржуазное землевладѣніе. Забравши въ свои руки большую часть мобилизуемыхъ земель, правительство преслѣдуетъ три цѣли, порой сталкивающіяся между собой, какъ поѣзда, пущенные съ разныхъ концовъ по однимъ и тѣмъ же рельсамъ. Оно стремится вызволить помѣщиковъ изъ бѣды, пріумножить свою собственную казну и привлечь разсчетливыхъ и толковыхъ хозяевъ, способныхъ не только оплатить

*) Цитаты заимствованы изъ книги Финна-Енотаевскаго: «Современное хозяйство Россіи» стр. 504.

подачки помѣщикамъ и расходы казны, прокормить себя, но и накопить капиталы, необходимые для интенсификаціи. Понятно, что пока цѣны на банковскую землю будутъ расти также стремительно, мелко-буржуазные элементы деревни устранятся отъ этой рискованной операціи.

Иное дѣло—надѣльныя земли. Мобилизація надѣловъ, продаваемыхъ за полцѣны, обезземеливаетъ нижніе слои и соблазняетъ деревенскихъ скупщиковъ, которые найдутъ въ этой мобилизаціи легкій и вѣрный способъ наживы. При слабой постановкѣ мелкаго кредита, извѣстная концентрація надѣльнаго землевладѣнія вполнѣ возможна на первыхъ порахъ, и денежные капиталисты деревни могутъ стать относительно крупными землевладѣльцами.

Но, во 1-хъ изъ этого не слѣдуетъ, что концентрація землевладѣнія поведетъ за собой концентрацію хозяйства, во 2-хъ—чтобы она стала постояннымъ явленіемъ и укрѣпилась бы на десятки и сотни лѣтъ. Закономѣрная тенденція аграрной эволюціи вездѣ и всюду ведетъ къ территоріальному дробленію хозяйствъ—въ земледѣліи царитъ законъ «деконцентраціи», какъ называетъ его г. Билимовичъ; у насъ этотъ законъ долженъ проявляться сильнѣе, чѣмъ въ Европѣ, вслѣдствіе большого прироста земледѣльческаго населенія. Стянувши къ себѣ земельные надѣлы, деревенскіе капиталисты, какъ и ихъ предмѣстники—крупнопомѣстные землевладѣльцы, предпочтутъ сдавать ихъ въ аренду за повышенную плату, а не заводить самостоятельное хозяйство, такъ какъ сдача въ аренду для нихъ будетъ болѣе выгодной. Вырвать изъ ихъ рукъ возможность барышничества землей, при помощи раціональнаго законодательства и планомѣрной организаціи народнаго кредита, будетъ гораздо легче, чѣмъ уничтожить капиталистически организованное хозяйство.

Въ Пруссіи, аграрная исторія которой имѣетъ много близкихъ чертъ съ нашей—только она идетъ впередъ, приблизительно, на полвѣка — разверстаніе общинныхъ земель, при освобожденіи крестьянъ, явно благопріятное помѣщикамъ и Grossbauer'амъ, также сопровождалось нѣкоторой дифференціаціей: за 1816—59 гг. средніе и мелкіе крестьяне потеряли въ пользу крупныхъ около 2% своихъ земель. Но послѣднія переписи показываютъ, что вмѣстѣ съ интенсификаціей земледѣлія съ каждымъ десятилѣтіемъ развивается обратный процессъ дробленія, и средніе слои давно уже, съ огромнымъ процентомъ, получили то, что у нихъ отняла однобокая аграрная реформа. Политическіе факторы, идущіе сверху, не въ первый разъ отымаютъ землю отъ трудового народа; но земля, послѣ долгихъ блужданій по чужимъ господамъ, въ концѣ концовъ всегда находитъ своего истиннаго хозяина. И эта послѣдняя попытка оторвать землю отъ трудового земледѣльца, гораздо менѣе опасна, чѣмъ захватъ земли господствующими клас-

сами, длившійся сотни лѣтъ и инквизиторскими у насъ на глазахъ, при благосклонномъ содѣйствіи самого правительства...

Въ общемъ, что же далъ нашъ анализъ первыхъ итоговъ «великой реформы»? Много, конечно, неясностей, неопредѣленныхъ выводовъ, глухихъ, малоговорящихъ огульныхъ фактовъ. Намъ кажется, однако, достаточно яснымъ одинъ выводъ: правящая власть въ состояніи развалить въ нѣкоторыхъ областяхъ созданныя народомъ формы землевладѣнія, для чего достаточно одного «нажима», однихъ разрушительныхъ талантовъ, но построить на расчищенномъ мѣстѣ крѣпкое зданіе мелко-буржуазнаго класса для комфортабельнаго долголѣтняго житья—ей не по силамъ: слишкомъ неподходящая почва для фундамента, плохъ матеріалъ—зыбучій песокъ, а не кирпичъ и камень; слишкомъ непривычны къ такому труду неискусные работники, слишкомъ безталанны архитекторы; да и времени для постройки осталось не такъ много. Придетъ пора, появятся новые строители и дружно возьмутся за постройку новаго зданія—зданія народнаго счастья...

Н. Огановскій.